

VI. «БЕЛОРУССКИЕ ПЕСНЯРЫ»

Почти без удобств

Работа в Белконцерте оказалась очень комфортной. Во-первых, структура государственная, в ней всё знакомо, но без постоянного давления. Во-вторых, Виктор Вуячич, художественный руководитель объединения, народный артист Беларуси, работал с сильнейшими артистами. А значит, постоянно шли концерты. И план для хозрасчётников был щадящий, и уж если совсем невольно становилось, его можно было закрыть парой концертов в России, где ценник выставляли побольше. Правда, нам жаловаться не приходилось: с примой оперетты Наталией Гайдой «Белорусские песняры» лидировали по доходам, часто выступали в одной программе с ней да с Вуячичем. Мало того: Белконцерт нашёл мне даже старенький саксофон. Ну а списанную в оперном театре флейту вручили друзья. Мои старые инструменты ещё не один годы пылились невостребованными, но на балансе «Песняров».

Кстати, в тот период Белконцерт укрепился настолько, что Литвинович всерьёз подумывал об отдельном помещении. Помню, как-то я с ним проходил мимо кинотеатра «Мир» (а кинопрокат тогда был в упадке), и Саша говорит: «Надо брать здание, развернуться по-настоящему!» Хотя нам лишь бы концерты были, а особых удобств не требовалось: небольшой комнатки в филармонии (прямо напротив кабинета Володи Мулявина и его «Песняров» — там, кстати, постоянно что-то праздновали, может, победу над нами) и подстудии хватало, тем более арендная плата и коммуналка копеечные. Да и пример мулявинских «Песняров» стоял перед глазами: на новые огромные площади, где и теперь прописан госансамбль, они переезжали, казалось, бесконечно.

Довели Вуячича до слёз

Особая страница тех лет — неожиданные добрые отношения с Вуячичем, считай, начальником всей белорусской эстрады. Причём поработали-то вместе мы неполный год, пока этого известнейшего артиста (до сих пор считаю его самым выдающимся певцом в Беларуси) не подкосила болезнь. Но пусть и недолгое, это

прекрасное, уважительное, очень тёплое общение — немало значило для творческой жизни. А знаком я был с Вуячичем уже лет тридцать, даже дважды ему аккомпанировал. Как-то во время моей службы в окружном оркестре уехал на гастроли без Виктора ансамбль песни и пляски, где он числился вольнонаёмным. А тут в Минске правительственный концерт. И вот под его выход срочно собирали из нашего оркестра состав, где я и оказался. Ну а под конец службы Володя Мулявин попросил подменить приболевшего духовика в коллективе Виктора на один вечер на сцене ДК камвольного комбината (сам Вова там же играл танцы в фойе после этого концерта). Правда, потом мои да и большинства «песняров» контакты с Вуячичем, всегда с иголки одетым, неподдельно аристократичным, неприступным даже, не выходили за пределы «здравствуйте» и «до свидания» в коридоре филармонии. Но и при такой дистанции творческая ревность, неизбежная соревновательность между двумя яркими артистами Мулявиным и Вуячичем проскакивала, и мы становились невольными свидетелями этих тонких отношений. Дело в том, что Витя всегда был немножко впереди по времени (скажем, первым из Беларуси прорвался на всесоюзную сцену), но самый большой успех выпал «Песнярам». Хотя Вуячич при всё большей конкуренции на советской сцене своё место упорным трудом и большим талантом удерживал десятилетиями (кстати, только со временем я расслышал его красивейший голос, который цепляет до сих пор даже в неровном репертуаре)... В общем, кто знает, какие могли случиться контры даже через тридцать лет. Тем более нас под его крыло приписали в экстренном порядке, может, и без особого на то желания со стороны Вити. Но вот он просто так заглянул в кабинет, вот перекинулся парой слов в коридоре, побывал на репетиции. Помню, как мы однажды вечером прогоняли «Александрину» в пустом зале филармонии, а Вуячич зашёл нас послушать. Так он чуть не расплакался. «Вы же потрясающе поёте! Да вас во все концерты надо вставлять!» — и ещё много-много комплиментов наговорил.

«ХОТИТЕ ПОМОЧЬ СВОЕМУ ТОВАРИЩУ?»

Благодаря постоянному мельканию на экране на нас в начале 1999-го вышел врач Сандро Барбакадзе. Позвонил он мне как-то утром под Новый год и говорит: «Хотите помочь своему товарищу? Приезжайте!» Оказалось, он только открыл под Ярославлем в селе Некрасово частную клинику, а одним из его пациентов стал бывший участник «Песняров» Володя Николаев. Правда, Сандро лечил его бесплатно — буквально по кускам собрал ногу. Мы взяли командировки, пригласили минских журналистов и выступили там с благотворительным концертом. Да и Сандро подсуетился (что скрывать, он в то же

время и рекламы своему делу искал) — позвал корреспондентов из белорусской редакции «Комсомольской правды». Пошли публикации, а с ними и внимание к «Белорусским песнярам» в России. Да и вообще повод о «Песнях» вспомнить. Интересно, что эта тема с Николаевым по сей день нет-нет да всплывает. Ну а с Сандро с тех пор дружили до самого его ухода из жизни в 2016-м.

«АМЕРИКАНЦЫ» ШОКИРОВАНЫ

Набранный Володей в экстренном порядке состав (в противовес нам, тогда ещё артистам государственного ансамбля «Песняры») получился, скажем так, слишком своеобразным. Думаю, Володя это понимал лучше всех. Тем более ему хочешь не хочешь, а пришлось теперь ездить с концертами, ведь на сцене ни одного лица знакомого, кроме него самого. Так что примерно в то же время Володя решил укрепить свой коллектив: он «призвал» из Америки на несколько концертов Борткевича и Кашепарова. Нам от пополнения ни горячо ни холодно, но «Белорусские песняры» встретились с «американцами». Конечно, оба были шокированы состоянием дел в ансамбле, крутившимися вокруг Мулявина людьми и его собственными проблемами (Толя хотя бы застал начало конца, а Лёня-то ушёл в 1980-м, задолго до кризиса, на пике славы). Помню, Борткевич всё допытывался, почему я промолчал про ситуацию с Мулявиным, когда он названивал мне из Америки. Ну что ответить? «Ты и не спрашивал». Да, на его предложение начать с Володей заново я тогда повторял одно: «Ничего не получится!» Но про себя прекрасно понимал: это, конечно, повод для раздумий, но с Лёней работать я точно не смогу — близкой дружбы у нас никогда не было. В отличие от Коши. Вот с кем отношения всегда складывались ровно — нормальный парень. В первый свой тогдашний приезд к Мулявину он посмотрел на условия — наши и государственного ансамбля — и сказал: не представляю, как можно было уйти из полностью обеспеченного техникой, помещением и всем остальным коллектива. «Свобода дороже!» — ответил я. Но, несмотря на все плюсы с мулявинской стороны, Толя практически сразу уехал: собственные дела в США перевесили. А вот Лёне отступить оказалось особо некуда. Да и обалдел он от реакции тысячного зала на одно только своё появление. (Могу в какой-то степени понять его впечатления!) Так у него начался второй заход в «Песняры». Хотя в тот момент я даже предположить не мог, что эта история Борткевича с возвращением на сцену окажется настолько долгой.

Дальше-то что?

Пару-тройку лет «Белорусские песняры», числясь в Минске, бесконечно светились в российской столице: не упускали ни одной

телесъёмки, ходили по музыкальным тусовкам — в общем, искали возможности. И всё это — по мулявинским стопам, ведь «Песняры» никогда не стали бы «Песнярами» без Москвы. В Минске же, под крылом Белконцерта, чувствовалось уже совсем не так комфортно, когда не стало Вити Вуячича, а нашего благодетеля Литвиновича сняли с директорского места. Постепенно в работе наметился простой. Вот сделали «Белорусские песняры» первый сольник весной 2000-го в концертном зале «Минск» с полноценной программой. Да, подвели черту под прошлым, публика признала наше новое лицо — собрали аншлаги. (Чуть ли не полгода платили этими деньгами в коллективе зарплаты, налоги, коммуналку.) Но дальше-то что? объехать все райцентры Беларуси и повторять этот круг раз в год? Надоешь зрителям, да и артистов становится всё больше и на любой вкус, как говорится. Какие-то крупные государственные мероприятия? При Мулявине наше присутствие там, наверное, не особо приветствовали бы — от греха подальше (при этом на закрытых концертах, даже в больших залах, выступали регулярно). Да и не спешили белорусские организаторы приглашать «Белорусских песняров».

НАС ПРЕДУПРЕДИЛИ: ПОМЕЩЕНИЯ НЕ БУДЕТ

Всё велось к одновременно резким и ожидаемым переменам — к переезду. (В конце концов, даже экономика была за: любая точка России окажется на семьсот километров ближе — значит, расходы уже сократятся на порядок!) Решение вопроса ускорили обстоятельства. В Белгосфилармонии объявили о начале ремонта на несколько лет. Практически для всех коллективов, которые базировались в здании, подыскали временные площадки и деньги на их аренду. А нас заранее предупредили: ребята, помещения вам не будет — арендуйте за свои, где хотите. То есть ансамбль не увольняли, не вытесняли, с названием проблем больше не было — ему просто не нашлось места. Я тогда подумал: а ведь с нами повторяется история «Песняров» тридцатилетней давности: и мешаем мы, и за место под солнцем боремся, и кровь у всех пьём. Жаль, что с Володей Мулявиным теперь по разные стороны баррикад...

ОБРУБИЛИ КОНЦЫ — И СНОВА ПРЕДАЛИ

Имея на руках карт-бланш, «Белорусские песняры» откликнулись на ситуацию единственно возможным способом: уехали в Москву. (В самом деле, ну не в областную же филармонию подаваться!) Причём рабочую в общем-то ситуацию обыграли в выгодном для коллектива свете, не сильно погрешив против правды: заявили, что мы тут никому не нужны и уезжаем из Беларуси, обру-

бив все концы. «Песняры», но «Белорусские» перебирались в Москву — такую идею Володя Мулявин много лет озвучивал перед разного уровня белорусскими начальниками, но дальше слов дело не заходило.

В Минске реакция на наше заявление оказалась предсказуемо негативной. Мне, кстати, всегда было интересно: почему, если белорусский футболист уезжает играть в зарубежную команду, его все приветствуют как героя, а когда то же самое делает артист с таким же белорусским паспортом, в Беларуси к нему относятся словно к предателю? И вроде бы всё просто: человек ищет где лучше. Но осуждение гарантировано! При этом, чуть только у артиста начнёт всё складываться в той же Москве, как он здесь мгновенно становится любимым «птенцом», всего-навсего выпавшим из гнезда. Это мы проходили в своё время в «Песнярах», ничего не изменилось ни тридцать лет спустя, ни полвека. Вот уж точно: Беларусь — страна парадоксов в какой-то степени.

БЕЗ ДРОЖИ И ПОДРАБОТОК

Своим решением «Белорусские песняры» одним махом отменили целый ворох накопившихся проблем. Во-первых, вздохнули по-настоящему свободно. В Москве уж точно не придётся дрожать, как бы не придушило нас белорусское Министерство культуры за демонстративный уход от Мулявина. Пусть даже проблема эта была из разряда «а вдруг»: в Беларуси за первые лет пять у нас снялся всего один билетный концерт (по иронии судьбы концерт памяти Мулявина), и конечно, мы не восприняли этот инцидент как гонения. Может, организаторы среагировали на путаницу с использованием слова «Песняры» в названиях — мало ли... Правда, беспокойство со стороны чиновников имело место: «Белорусских песняров» несколько лет кряду то вносили, то вычёркивали из программ «Славянского базара в Витебске», и началось это ещё при жизни Володи. Всё страховались-перестраховывались, наверное.

Ну и во-вторых, после переезда ансамбль позволял бы прилично зарабатывать. Ведь мы рассчитывали на наращивание оборотов по концертам (а расценки в Москве тогда уже были далеко не минские). Это значит, смело можно было оставлять все подработки, у кого они оставались, если только, конечно, не были в своё удовольствие. Я как раз тогда вышел из бизнеса, на полноценное участие в котором давно не хватало времени: на двух стульях не усидишь. Несколько лет, работая в ансамбле, я разве что по инерции продолжал вкладывать половину доходов в дело. До его развития руки не доходили, всё держалось исключительно на партнёрах. Правда, поначалу бизнес оставался спасительной гаванью:

ровно к появлению на горизонте «Песняров» по второму заходу я построил квартиру, куда и вложил всё заработанное почти за пять лет. В эту гавань я и рассчитывал заплыть, если с музыкой не сложится.

Теперь думаю: если бы мы уехали пораньше, многих проблем, наверное, вообще не возникло бы, удалось бы избежать неверных тактических и хозяйственных ходов. Правда, больших ошибок, которые всё перечёркивают, мы не совершали. Иначе через пару лет голодные и отошавшие вернулись бы просить у прощения и умолять взять нас назад в госансамбль. А так даже тени подобной мысли не мелькнуло.

ТАЛАНТЫ ПОМОГАЮТ ТАЛАНТАМ

Перед окончательным переездом в Москву «Белорусские песняры» решили дать концерт в столичном зале «Россия» — самом престижном тогда, самом главном. Творческая часть не беспокоила: программа была сделана ещё к первому сольному концерту в Минске. Но чтобы всё получилось «по-взрослому», требовались приличные средства (сейчас раз в пять больше бы ушло, наверное). Конечно, своих не хватало, так что несколько месяцев мы вдвоём с Аликом Катиковым жили на два города: выходные в Минске, а с утра понедельника — уже в другом «Минске», наверное, последней недорогой московской гостинице. Или в отеле при белорусском посольстве. Налаживали старые связи в российской столице и, конечно, искали финансовой поддержки.

Для красного словца можно было бы загнуть, сколько раз у нас опускались руки. Но было всё не так: «Белорусским песнярам» помогали, и не однажды. Повезло нам или судьба так сложилась, а может, просто особое отношение к названию и явлению «Песняры» поспособствовало? Не знаю. Но уж точно есть люди, благодаря кому я сейчас задаюсь такими вопросами. И встреча с ними — несомненное везение. Из таких удач на пути к цели и складывался результат, к которому мы стремились.

Ключевой фигурой в нашем московском старте стал Юрий Кунец. Это прекрасный музыкант, тончайшего склада композитор, чей альбом был выставлен на «Грэмми» в шести номинациях. Но в той ситуации он нам помог ещё и как талантливый успешный бизнесмен — и советом, и конкретным делом. С Аликом Катиковым Юра познакомился благодаря общему факту в их биографии — работе ресторанными музыкантами на Севере. Это произошло в начале 1990-х, когда Юра уже устроился в Москве. Там по делам оказался и Алик — то ли по дороге на заработки, то ли на пути оттуда в Минск. Свёл их знакомый ударник Юрий Хозов. Ну а спустя какое-то время Володя Мулявин пригласил Алика в «Песняры».

Владимир Смольников и Юрий Кунец, которые не только рекомендовали написать книгу, но и активно участвовали в её судьбе и содержании. Фото: Дмитрий Эльманович

А лет семь спустя уже сам Катилов знакомил меня с Юрой Кунцом в Москве. Вроде как заглянули мы к Юре по делу, но у нас с ним сразу нашлось много общего в жизни и в музыке. Обоим было приятно лишний раз соприкоснуться с темой «Песняров». Слово за слово мы с Аликом озвучили свою проблему: надо выступить в «России» для серьёзного толчка — подсказки, где найти финансирование под наш «камбэк». Юра, уже из разговора видя, что намечается хорошее дело, с лёту нам помог — без лишних расспросов. «Таланты помогают талантам», — говорит Юрко и улыбается. И после ещё просили его поддержки, когда вернули все долги. Не за один год, конечно: примерно треть сразу, а остальное на несколько следующих лет растянули — что-то деньгами, что-то концертами. А бывало, нам даже прощали кредиты.

Прошли годы, и я могу назвать Юру своим другом — думаю, взаимно. У нас много общего, говорит он, мы в чём-то похожи, у нас одинаковый подход к жизни. Но только спустя многие годы Юра мне объяснил свою поддержку очень хорошими словами: «Когда люди становятся на новый, но свой путь, то с первого раза получается не всё и не всегда. Вот и ансамблю (с одной стороны, ещё молодому, а с другой — по-настоящему звёздному) в какой-то момент нужно было стать на ноги, как маленькому ребёнку. Но разве малышу помогают сделать эти шаги только однажды? Нет, поддерживают постоянно. И как мне было вам не помочь даже чисто

по-человечески? Но я к тому же и музыкант, который испытывает не фанатизм, а глубокое уважение к вашей музыке. Мне понятно, что она делается профессионально — так, как нужно. Это мне нравится. Я сам такой же максималист-перфекционист: верю в своё дело и поверил в ваше».

«ХРЕН ИМ, А НЕ “РОССИЯ”!»

Но вернусь к нашей первой московской самостоятельной цели — большому концерту. Юра Кунец помог «Белорусским песнярам» своевременной подсказкой, куда обращаться, чтобы не походить на слепых котят. Но выяснилось, что даже с раздобытыми деньгами не всё может идти как по маслу. Мы пришли в «Россию» не с протянутой рукой, а с реальным предложением: готовы вносить предоплату и заключать договор. Но тут вперёд вышло кулуарное общественное мнение. Симпатии московских артистов оставались на стороне Володи Мулявина со времён их письма в Минск в его поддержку. На этой волне от администраторов звучало: они с Мулей так поступили — так хрен им, а не «Россия»! (Думаю, я на их месте тоже поддержал бы живую легенду, а не каких-то там предателей.)

Ситуация такая угнетала не меньше серьёзного финансового риска и крупных долгов на наших плечах. И вроде бы когда к конкретным ответственным лицам приходили Валера Дайнеко, Игорь Пеня и я, отношение резко менялось: так ведь это же те самые «песняры»... Оказалось, все вопросы могут решить деньги. Тридцать тысяч долларов — небольшая по меркам московского шоу-бизнеса сумма, лишь бы только наличными. Когда мы их принесли, нас сразу простили, а претензии по поводу Володи как-то забылись. И вот пошёл приятственный шепоток: с ними можно работать, они не жлобы.

В общем, когда увидели рекламу концерта на щитах по всей Москве, сами не поверили, что своего добились. И это был «биток», как в советское время! Даже на огромный банкет хватило. Как раз после концерта в «России», ещё при жизни Володи, мы ощутили себя своими в московской тусовке. А там и с подписантами знаменитого письма в защиту Мулявина расцеловались. Причём они же первые и бросались со словами: «Да мы не знали ничего! Подсунули — вот и подписали... Это же Володя!» Короче, обид ни на кого не держим.

Заняли денег и платили, как и все

Уже «Белорусскими песнярами» продолжали пробиваться буквально во все ведущие программы российского телевидения. Тактика как можно больше светиться на экранах себя полностью оправдала за год в «Песнях». И тут мы от неё не отказались. Мы постоянно присутствовали в эфире, а значит, и в общественном сознании.

Именно благодаря съёмкам о нас и вспомнили как о «живых». А как удалось прорваться в московский телеэфир? Когда мы оформились как «Песняры», но выступали уже без Володи, удивительным образом у всех стали выплывать давние знакомства. Одно из них — Марина Кожухова. Она долгие годы работала в огромной редакции программы «Время» и когда-то познакомилась с нашими ребятами, и в дальнейшем эти отношения переросли в дружбу с коллективом. Как раз Маринка не один год помогала нам с эфирами (даже была администратором «Белорусских песняров»). И главное — задала планочку. По количеству и разнообразию организованных ею телесъёмок мы поняли, сколько нам их требуется, чтобы уверенно себя чувствовать в московском шоу-бизнесе: а столько же! Однако дальше выезжать на старых связях и знакомствах в шоу-бизнесе или на каналах уже не выходило. В общем, как и с большими концертами, заняли денег и платили за эфиры, как и все. Но это того стоило: сложно вспомнить рейтинговые программы, будь то музыкальные или кулинарные — не важно, где «Белорусские песняры» не поучаствовали хотя бы по разу. Сколько было сборных концертов, фестивалей вроде «Киношока» и «Кинотавра» с телетрансляциями. Мы шли с удовольствием не только на «Первый канал» или на «Россию», но и на «ТВ-6», московский «ТВЦ» или на петербургский «Пятый канал». Лишь бы центральное телевидение! Или на канал «Мир», который снял и транслировал по всему СНГ несколько концертов «Белорусских песняров».

ТЕЛЕЦЕНТР ПОДТВЕРДИЛ СВОЮ РЕПУТАЦИЮ

А вот со съёмками на белорусском телевидении у «Белорусских песняров» не особо складывалось. Хотя мы и здесь готовы были из кожи вон лезть, лишь бы оказаться в кадре, пусть и на единственном на тот момент канале. Даже без намёка на гонорары госансамблем ездили по всей Беларуси сниматься для еженедельной музыкальной программы «Песню бярыце з сабою» (пели и новое, и старое, за которое могли зацепиться без конфликтов с Мулявиным, — скажем, «Ручники»). Подфартило, когда два энтузиаста Саша Шульга и Миша Милованов сняли с нами в студии концерт к 8 Марта. Да, работники минского телецентра изо всех сил старались подтвердить свою репутацию, хорошо известную нам за годы в «Песнярах» (к примеру, в советские годы трезвый оператор на Макаёнка, 9 — это было событие сродни ЧП). Но стараниями Шульги и Милованова получилась-таки удачная запись, которую несколько лет повторяли к 8 Марта. Правда, техническая беспомощность белорусского телевидения тогда (а нам уже было с чем сравнивать) заставляла хорошенько подумать, а нужны ли нам съёмки в Минске в принципе.

Стали последними за «Двумя роялями»

Конечно, хотелось в первую очередь не просто светиться в «ящике», а показать свои музыкальные возможности. Очень хорошо помню «Два рояля», куда мы попали через Марину Кожухову. Тем более для нас это был момент, когда мы решались на переезд. В шоу участвовали четыре наших вокалиста. Как они пели, как на ходу расставляли голоса, сочиняли простые аккорды, делали подкладки! Я смотрел эфир и радовался за пацанов, за то, что свой шанс мы не похоронили. Другое дело, что для звучания этих музыкальных изысков по-настоящему надо было несколько лет словно не существовать, как это было у «Песняров». Тогда и для людей по ту сторону экрана всё выглядело как открытие: так они же всё ещё могут! Кстати, оказалось, что это была в принципе последняя съёмка «Двух роялей». Нам об этом никто даже не сказал! Узнали, когда на площадке скомандовали: «Стоп! Снято!» К нам подошли ребята из группы со словами: «Нам очень хотелось, чтобы вы завершили наш проект».

Мог, правда, быть и ещё один эфир программы. Сниматься на него снова позвали нас. А мы решили совместить съёмки с окончательным переездом в Москву. Но как раз тогда разбился микроавтобус, в котором ехали Игорь Пеня, Олег Аверин и Валера Дайнеко, пока мы с Аликом подыскивали жильё в Белокаменной. Все остались живы, но выступали мы примерно три месяца без Валеры. Происшествие это, конечно, можно было расшифровать как не очень хороший знак и остаться в Минске. Но мы не отступили. Автобус перегнали в Москву, где потом и продали. Ну а самый последний эфир «Двух роялей» всё-таки пропустили.

ДАЖЕ НЕ ПОДНАЧИЛИ ТОЛКОМ!

А однажды после выступления на корпоративе в Беловежской пуше возвращались с ведущим «Comedy Club» Гариком Мартиросяном и вспоминали, как лет десять назад попали на это шоу. Оказались там спонтанно, никому ни копейки не платя, хотя программа только появилась и была очень популярной. Удивительно, но нас там даже не подначили толком: наверное, магическое слово «Песняры» снова сработало. Зато, конечно, попросили спеть. Дежурный фрагментик из «Ты мне ясною прыснiлася» затащили «два с половиной» певца: Дайнеко, Аверин, Соловьёв и я. Но вдруг зал как хлопает да с мест повскакивает: мы от неожиданности обалдели! Причём на съёмках — сплошная молодёжь (а это само по себе уже праздник для таких коллективов, как наш)! Чем зацепили? Наверное, одни удивились, что так петь можно в принципе, для других уж слишком непохожими мы оказались на открывающих рот под «фа-

неру». Да и репертуар наш для новых поколений всё чаще открытие на фоне модных песенок. А конкурировать с модой даже классику Мулявину было непросто, так что наш результат, как минимум, положительный!

НЕ ПОТОМУ, ЧТО СО СКЛЕРОЗОМ ЖИТЬ ПРОЩЕ

Кстати, изначально, ещё «Песнярами», на телевидение мы шли с полностью готовой программой, где было и новенькое, и старенькое — считай, своеобразная «визитка» нового этапа ансамбля, все вещи одна к одной. Фактически так сложился материал для диска «Только с тобой», который публика и критики приняли очень тепло. Послушаешь песни «Бялявая, чарнявая», «Только с тобой», «Рэ-крут» — так ведь тот самый любимый ансамбль звучит! Тут и голоса, и сочетания тембров, и музыкальные пристрастия, и аранжировки. Да и песни популярные получились, но не попса, что особенно радует. В общем, как и в случае с большинством песенных дисков «Песняров» (а потом и «Белорусских песняров»), вышла подборка лучшего на момент издания материала, который с тех пор из концерта в концерт исполняем с удовольствием. Кроме названного, это и «Цветок любви» — великолепный романс, причём таким определением всё сказано. Песня «На начлезе», номер из авторской программы Александра Катикова, показывает, чем жили артисты коллектива те пять лет, пока отсутствовали я и Валера Дайнеко. А «Белая черёмуха», «Мінская зорка» и «Новый год» — грани таланта Олега Аверина как тонкого лирика.

Таким разноплановым этот диск и задумывался ещё в государственном ансамбле. Но в силу известных обстоятельств (пусть и звучат «те самые “Песняры”») вышла пластинка попозже и уже под уточнённой «шапкой». Что ещё изменилось? За это время у нас появилось ограничение по многим известным песням, так что выбрали только те, на которые имели право: «Наши любимые», «Зачарованная мая», «Алеся». Причём первые две записали в существенно переработанных аранжировках. Так что диск «Только с тобой», среди прочего, показал, как важны для нормальной творческой работы «свои» композиторы, аранжировщики («песняровская» тема, кстати: со времён прихода пианиста Толи Гилевича Мулявин всегда делил этот участок с музыкантами). Добавлю в эту формулу и принцип коллективной работы над каждым элементом песни, который также перешёл из «Песняров» в «Белорусские песняры». И настолько он укоренился, что, переслушивая вещи последних двух десятилетий, порой не могу вспомнить, кто писал те или иные партии. Максим Пугачёв? Олег Аверин? Валера Дайнеко? Алик Катиков? Любой из них мог — или все вместе. Эта моя

забывчивость, думаю, хороший знак. Не потому, что со склерозом жить проще. А потому, что палитра звучания «Белорусских песняров» сложилась, считай, без проб и ошибок. Зато вот они, современные аранжировки, интонации, гармонии. Впрочем, иначе и быть не может: ребята впитывают в себя столько разной музыки! (И как я ни стараюсь ловить новых звёзд — вокалистов, пианистов, саксофонистов, оказывается, что о них уже минимум пару лет знает Валера!)

Пятьсот и пять тысяч

Вот так раз за разом убеждались: не зря «Белорусские песняры» стремились к бесконечным телесъёмкам, спешили выпустить диск — отвоевали позиции по полной. Но, признаться, мы надеялись, что наши вложения в московскую раскрутку финансово отобьются быстро: тогда все смотрели телевизор и на концерты и корпоративы приглашали тех, кто чаще в нём мелькал. («Песняры» не мелькали, вот их и не приглашали, а если изредка и случалось — Мулявин, как правило, не ехал.) Мы, конечно, особенно рассчитывали именно на корпоративы. Тут ведь сплошной плюс: платили больше, чем за кассовый концерт, а работаешь тот же сольник или отделение. И зрители уже давно не закладывают за воротник во время выступления. Бывало, пересаживались из-за столиков в актёрский зал, а в ресторанах слушали стоя. А на юбилеях (приглашают же в основном те, кто слушал ещё тот ансамбль) который раз убеждаемся: для некоторых живьём увидеть «Песняров» — ладно уж, нас — большое событие. И нередко находят товарищи именинников, которые тут же спросят: «У меня день рождения через неделю. Ребята, сможете?»

Правда, жизнь сразу дала понять, чего мы стоим со своими мечтами. Первый же новогодний корпоратив, на который возлагали столько надежд, принёс... пятьсот долларов на нос (сколько теперь получаем, не скажу, но оглушительно по сравнению с советскими ставками). Это при том, что уже появились телеэфиры, клипы, записи концертов... Вот где был облом в новогоднюю ночь! Выходит, опять к кабанчику приплыли. Вообще, в Москве мы начали зарабатывать и, соответственно, почувствовали себя стабильно только через три-четыре года, когда пошёл вал концертной работы. Правда, если бы мы в тот Новый год заработали сразу большие тысячи, может, и не рвались дальше так же искренне.

Занимали — отдавали

Но в тот момент рваться повод был: расхожая фраза о долге, что платежом красен, тогда была целиком о нас. Буквально на каждый

шаг занимали деньги. Скажем, для первых серьёзных записей, которые стали альбомом «Только с тобой», мы ещё просто договорились о доступе на студию Белорусского радио в Минске. Но не будешь же вечно ходить и просить. Короче, требовалась своя точка. Вложиться в неё самим — значит отказаться ото всех других планов на пару лет вперёд. Так что вся надежда оставалась на друзей-спонсоров, которые действительно помогли её арендовать. Ну а долг опять-таки лет пять-шесть отработывали концертами. (Мало того, смогли даже расшириться в плане аппаратуры — не верится, но тогда издатели ещё и за пластинки платили, и мы в эту волну успели попасть!)

Кстати, в самые острые периоды нам действительно помогали друзья или друзья друзей. То есть часть долга мы почти всегда отдавали концертами. А что-то нам прощали. Думаю, помощь эта шла от волшебного слова «Песняры», от того, что за нами в творческом смысле стоит Мулявин. Такое от многого оберегает. И, оглядываясь назад, мне кажется, что порой надо было просить помощь раньше, чтобы, готовясь к каждому новому этапу, быть уверенным в своих силах, а не дрожать: мол, завтра квартиру продашь, лишь бы с долгами рассчитаться.

Прыгнули с Кутуньо

Если какое-то время назад мы отваливали за эфиры немалые деньги, лишь бы мелькать на экране по максимуму, то теперь наша тактика куда проще (и, кстати, значительно экономнее): пока спасают повторы — держимся за них. А уж коль зовут на чьи-нибудь юбилейные концерты с телесъёмкой — о гонораре не заикаемся. Понимаем: нас приглашают как представителей от цеха советской классики! Бывает, что режиссёры и продюсеры требуют дуэтов, которые хорошо котируются у телезрителя. Так в Минске на концерте Олега Газманова пели с ним его вещь «Дороги», в Москве два юбилейных концерта работали с «Любэ» (тоже была их песня «Конь»), с Александром Маршалом. А как мы кайфанули на московской сцене с Тото Кутуньо!

Надо было видеть Тото, когда он под восторженно подпевающий зал выводил в песне из фильма «Весна на Заречной улице»: «Ту заводскую пряходную, чьто в люди вывела мьеня»! Не удивительно, что, исполнив номер, итальянец даже подпрыгнул с облегчением — ведь ничего не понимал по-русски! А вещь из советской классики, как и наше совместное выступление, оценил в одном из интервью на «отлично». Кстати, это тот редкий случай, когда после разового дуэта мы забрали песню в репертуар «Белорусских песняров». Так здорово её принимали. Жаль только, на издание записей с Кутуньо

Памятное совместное выступление в Кремлёвском дворце с Тото Кутуньо. 2006 год

(вместе с ним спели ещё из его репертуара «Donna, Donna Mia») не имеем прав... (По той же причине и перевод на русский язык песни Джейсона Донована «В письмах сентября» нигде полностью не публиковали: только в интернете блуждает наш куплет, варварски склеенный с куплетом в оригинале.)

Корили за Михайлова, а Дибров был прав

Многие нас корили за выступление со Стасом Михайловым, но странно отказываться, когда звонит артист, собирающий огромные залы, и предлагает спеть с ним. И что бы там ни говорили, продукт он делает профессиональный. К тому же после дуэта со Стасом пошла хорошая реакция от администраторов: а интересуются они — это глас народа. Последовала она и за нашей полускандалной «Пушей» в программе «Достояние республики». И за программой «Апология».

Тогда ведущий Дмитрий Дибров (кстати, ближе познакомил нас всё тот же Юрий Кунец) сказал: «Не забывайте, после моей передачи у вас концерт будет стоять столько-то — не меньше. Я ничего не требую, просто говорю, чтобы вам приятно было...» А тогда его программа была взрывная, все её смотрели. Так что после этой записи предложений стало действительно больше.

Москва, канал «НТВ», программа «Старый телевизор». Первая встреча с Дмитрием Дибровым (справа). 1998 год — ещё госансамбль «Песняры»

УЖ ЛУЧШЕ СОЛЬНИК, ЧЕМ КЛИП

В качестве заявочки на телеэфиры ещё госансамблем сделали слабенький такой клип на песню «Только с тобой». Недавно пересмотрел снова: ну не впечатляет — почти безнадежно. Только наличие Шурика Демешко и Лёни Тышко рядом с нами придаёт этому видео хоть какую-то ценность спустя годы.

Хотя клип к «Бялявай, чарнявай», созданный примерно тогда же на такой же коленке, качеством, конечно, кошмарный, но цепляет. И паренёк там забавный в главной роли, который стриг нас буквально перед съёмкой, и девушки подобраны потрясающие — красавицы! Наверное, подобные удачи только с испуга в сложных ситуациях и с пустым карманом выходят. (А может, он мне так зашёл из-за долгого отсутствия клипов у ансамбля?) Правда, потом на песни «Знай, не забывай» и «Не люби нелюбимого» сделали умышленно дорогие, профессиональные клипы. Хорош и мультипликационный «Рэкрут», который крутили триста раз в ротации на одном российском канале — под него нашли знакомых.

Так что в своё время клипы лишними не были. Все «экранизированные» вещи точно вошли в «золотой фонд» ансамбля и до сих пор тепло принимаются публикой. Но теперь для клипов качество

Три заслуженных артиста Беларуси — участники записи клипа на первую песню «Белорусских песняров» (и обновлённых «Песняров» тоже) «Только с тобой». Ансамбль новый, а артисты старые: Александр Демешко, Владислав Мисевич и Леонид Тышко. 1998 год

во главе угла — вкладываться надо по совершенно иному счёту, по стандартам шоу-бизнеса. Это не считая оплаты эфиров, на которую нужно уже в разы больше! Только вот клип — он для чего? Чтобы «подкручивать» какие-то песни. Да вот показать-то его сегодня негде. На музыкальных каналах с их форматами мы не нужны — не современно, а на других и программ таких не осталось. В интернете? Уж лучше отработать ещё один сольник с оркестром, чем снять ролик, который устареет к сегодняшнему ужину!

СНОВА ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

История с клипами подарила нам ещё нескольких друзей. Когда мы по самому скромному московскому счёту прикинули, сколько нам надо вложить в съёмки и прокат клипа, забрезжила даже идея потихоньку паковать чемоданы и ехать в Минск: всё, ничего не удалось... Но тут Игорь Пеня познакомился с Андреем Гелясовым. А уже тот свёл нас с прекрасным человеком Георгием Ворониным и его братьями Володей и Сашей (их обоих, к огромному сожалению, уже нет с нами). Дружба «Белорусских песняров» с Жорой продолжается и греет нас по сей день. А тогда он помог нам взять в долг средства на несколько клипов. И мы смогли разместить их на центральных и музыкальных каналах. В общем, ансамблю удалось «выстрелить» на вожделенном телевизионном экране. Мало

того, благодаря Жоре мы получили возможность отдавать огромную сумму долга льготно, наверное лет пять. Каким своим заслугам приписать такую душевную дружбу и тёплое отношение (ведь Жора сделал для коллектива многое — всего не перечесть)? Думаю, в начале нашего знакомства снова сыграло свою роль волшебное слово «Песняры». Кстати, не могу не вспомнить на этих страницах и талантливого врача Колю Гвоздя, с которым «Белорусские песняры» познакомились когда-то именно в этой компании, а теперь нет-нет да напрашиваемся к нему на приём без очереди в Минске.

И ещё о помощи. Наверняка минчане помнят не один концерт «Белорусских песняров». Скажем, концерты «в стиле Gently» во Дворце Республики, которых прошло два. Солидную помощь в их подготовке и даже в самой возможности нам оказал Игорь Истомин — известный предприниматель, спортсмен, друг нашего ансамбля, в первую очередь Олега Аверина. Сейчас Игорь проживает в Липецке, но разве расстояние помеха для доброй дружбы и общения?

Александра Шакутина в Беларуси представлять не надо. Известен он не только как один из крупнейших предпринимателей. Александр Владимирович равнодушен к музыке, а уж скольким музыкантам он помог! В число этих, без преувеличения, счастливых попали и мы. Без помощи Александра Владимировича не состоялся бы самый крупный и финансово ёмкий белорусский концерт за всю историю нашего коллектива, концерт с оркестром. Он стал событием не только в биографии ансамбля, но и в масштабах Минска да и Беларуси.

Мулявин предлагал воссоединение...

У «Белорусских песняров» был случай, когда лучше оказалось отменить выступление. За день до концерта к тридцатилетию «Песняров» в московском зале «Россия» и закладки звезды Мулявина и всего ансамбля (в начале 2001-го — на полтора года позже самой даты) нам позвонил администратор Володи: «Можете приехать и выступить на концерте? Мулявин попросил». Ком к горлу подступил: спасибо тебе, дорогой, за первый шаг навстречу, значит, ты, возможно, хоть отчасти понял, почему мы ушли и что где-то были правы. Первая реакция: надо ехать, повиниться друг перед другом, поговорить по-хорошему. И нашлось бы о чём, я уверен, и силы для такого звонка нашлись бы. (Так же сам себе удивляюсь, но после почти двадцати лет молчания иногда звоню первой жене — это дочка Каролина меня сподвигла!) Ну а за два с чем-то года порознь ни мы Вове, ни он нам дороги не переходили, палки в колёса не вставляли,

на гастролях даже не пересекались (бывало, только слышали от организаторов, что недавно на такой-то сцене выступал «ваш Мулявин»), об «отщепенцах» он не распространялся.

Но как бы ни хотелось верить, что это был шанс на новый поворот в истории «Песняров», как ни мучаешься, что не «пожал руку» Вове в ответ, но наш отказ — правильный шаг. Почему? Отвечу так, как ответили на такой же вопрос Иосифу Кобзону. Мы думали о своём будущем. Ансамбль был на Урале, и в день московского выступления нас ждал кассовый концерт, за который уже были получены деньги. В России мы только вставали на ноги, только наживали новый авторитет, а тут — за сутки отменяй выступление. Да и сомнения не покидали: зная ситуацию и людей вокруг Мулявина, надо было просчитать ходы наперёд — и свои, и Володины, и его супруги. А вдруг завтра он проснётся не в том состоянии или ему что-то новое в уши напоят?.. (Хотя, говорят, Мулявин в Москву Пенкину не взял.)

Ну а весь юбилейный концерт Володя вытянул на себе: отработал на нерве, как зверь оскаленный, как герой! Я смотрел в интернете видеозапись и восхищался им. Гений — нет других определений!

Вместо последнего шанса стать «Песнярами» — в милицию

Когда перебирались в Москву, зарегистрировали название «Белорусские песняры» по российским законам. Правда, знающие люди намекали: и с названием «Песняры» тут выгорит — немного пошевелиться надо. Но мы для себя однажды уже закрыли тему юридически, а работать как «Белорусские песняры» оказалось вполне комфортно. Тем более ушли сами, создали прецедент, как обойтись без государства и без Мулявина у руля, оставаясь узнаваемыми под слегка обновлённой вывеской. Короче, мы отказались от возврата, но чуть-чуть изворотливости — и три заслуженных артиста могли бы перехватить имя у четвёртого. Ведь спустя пару лет после ухода из государственного ансамбля в Москве возник Лёня Борткевич со своими новоиспечёнными партнёрами. На удивление быстро они провернули операцию по присвоению себе названия «Песняры». И первым делом владельцы российского патента бросились разбираться с нами и с Белорусским государственным ансамблем. Вот только способы были, мягко говоря, спорные. К примеру, Лёня требовал включить его номер в концерт «Белорусских песняров» в Московском Кремле. Иначе — заявление в милицию о нарушении его патента. Нам советовали все (от юристов до директора зала) не обращать внимания — мы послушали. Но в день концерта наш ансамбль пару часов проторчал-таки на Лубянке с пакетом бумаг. Поясняли,

что претензия не по адресу, билеты проданы на концерт «Белорусских песняров». Конечно, всех отпустили, хотя осадочек остался: ну как это — стукануть на товарища, с которым почти десять лет проработал под тем же самым названием, которое теперь подминаешь только под себя?.. Не понимаю. С армии привык, что со стукачами разговор короткий. Вот по этому принципу с человеком, который подобным образом проявился, я себя и веду.

Если бы не «Песняры», то...

А сегодня меня удивляет, когда кое-кто из бывших «песняров» козыряет годами своей работы с Мулявиным. Речь тут не о продолжении его школы или школы «Песняров», которая как раз на личном восприятии и живом контакте строилась десятилетиями, пусть и не всегда ладно и ясно — бывали рискованные зигзаги, ругань. Но школа у «Белорусских песняров», уж простите за нескромность, — налицо! (Причём меня всегда удивляло, почему тебя пытаются отделить от твоего дела, убедить, что после какого-то рубежа всё совершённое ценности не имеет.) У многих же громкие заявления сродни уточнению: «автор картины — ученик такого-то», которое делается, только чтобы поднять цену за полотно. Так и Володино имя некоторым требуется, чтобы вещать на его фоне о порой сомнительных достижениях «в личном зачёте» (ну и заодно облить коллег — как же без этого). Ставка беспроигрышная: статьи или телесюжеты с фамилией «Мулявин» до сих пор способны привлекать внимание. (Есть и такие, кто, скорее, затесался в историю ансамбля на каком-то вираже после Вовиноного ухода из жизни, — и ведь тоже «песняры»!)

Главное, помнить: ты со своими оценками, со своей музыкой всё равно интересуешь публику в первую очередь как бывший «песняр». В этом плане работа в ансамбле всё предельно чётко расставляла по местам, и влияние большого таланта рядом заставляло задавать себе серьёзные вопросы. (А кто не научился... видно, тот вовсе не способен воспринимать уроки.) Скажем, меня лично всегда интересовало: а что бы я делал, не будь у меня этого допуска к сцене — если бы Володя не пригласил в свой коллектив? Но правда и в том, что люди не будут выяснять, больший или меньший вклад в историю ансамбля ты сделал. Признают уже за то, что ты просто стоял рядом с Володей, пусть даже только в последние лет пять — не самые лучшие его годы, когда ничего по большому счёту не строилось и не рождалось. Так что есть запись в трудовой книжке, есть на всех пара сделанных за эти пять лет песен — вот твой главный успех! Смело называй себя «песняр» (всё равно это слово уже обесценилось), коль получишь меньшие или большие деньги только за одно имя!

Фотосессия для первого диска «Белорусских песняров». 1999 год. Но на обложку альбома и на плакаты пошёл всё-таки кадр без незаменимого звукорежиссёра Саши Попроцкого (стоит в центре). Фото: Михаил Маруга

И ещё. Не у меня, конечно, интересоваться ребятами из последнего Володиного состава (а ведь чуть ли не у каждого из них свои «Песняры!»), но мой критерий для оценки таков: за четыре-пять лет с Володей у парней не сложился коллектив.

А вот ушедшие в «Белорусские песняры» музыканты Катиков, Пеня, Аверин, Марусич, звукорежиссёр Попроцкий за чуть больший срок вместе с Мулявиным, наоборот, стали сыгранным, спетым творческим объединением (состоятельным, как показало время, даже без Володи). Я уже не говорю о нынешнем госансамбле. Хотя, конечно, никакого братства в «Песнярах» не существовало и быть не могло.

АРТИСТ МУЛЯВИНА

Вот почему, на мой взгляд, звезда в Москве заложена с правильной формулировкой — Владимиру Мулявину и «Песнярам». И когда меня представляют как «артиста Мулявина» или в подобном духе, это огромная честь, гордость и правда. Так ведь и было, если смотреть по вкладу в историю. Я это всегда держу в уме, чтобы градус собственного мнения не сбить. Хотя кто-то наверняка и обижается на такое положение вещей — значит, ценят себя эти ребята побольше, чем артисты ансамбля «Песняры». Но факты очевидные: сколько ни перечисляй фамилий из полсотни людей, прошедших через «Песняров», достаточно произнести «Мулявин», как делается ясно, кого по-настоящему любил и любит народ, и всё становится на свои места. Только благодаря ему это дело выжило. Да и невозможно отразить полный список на памятном знаке. Зато точно не найдутся желающие прийти с кайлом, чтобы чьи-то фамилии добавить или вычеркнуть с мраморной плиты, скажем из-за ситуации, которая произошла у нас с Володей.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В Москве у нас постоянно спрашивали о Мулявине. Причём поначалу мы в ответ рвались доказывать свою правоту в «раскольном» деле, особенно коллегам по цеху. Помню, как сам за кулисами сборного концерта объяснял Иосифу Кобзону причины раскола в «Песнярах». Иосиф Давыдович выслушал, а потом посочувствовал — и нам, и Володе. Но со временем «Белорусские песняры» если и доказывали что-то, то музыкой, а на вопросы о Вове отвечали примерно так: у Мулявина всё нормально, работает со своим составом. Ну правда ведь: не затевать же впустую конкуренцию с тем, кто и в одиночку олицетворяет слово «Песняры»! Тем более сам Володя никогда дорогу нам не преграждал. Например, ещё в 1998-м он сказал: не хочу, чтобы вы исполняли мои песни. Мы не спорили — репертуара хватит на всех. Но иногда позволяли себе «Александрыну» как золотую классику «Песняров», да и то по просьбе зрителей. Как принял это Володя? В одном из интервью заметил: мол, мало ли кто поёт его песни. Никаких намёков на разборки! Вот в чём мы проигрывали Мулявину, его выдержке и такту. Точно так же и с концертами мирно расходились — я уже говорил, ни разу не пересеклись с Володей, даже за кулисами. Бывало, приезжаем, а нам говорят: пару дней назад тут Мулявин выступал. Но всё-таки была одна встреча (если её можно так назвать) «Белорусских песняров» с Мулявиным. Однажды мы оказались в составе бригады артистов от агентства Аллы Пугачёвой в Нарьян-Маре. А там какой-то праздник с двумя концертами за день: первый организовывали

городские власти, а второй — руководство Ненецкого автономного округа. Так вот, на утреннюю «солянку» пригласили «Песняров» Мулявина, а на вечерней ждали нас. Столкнулись мы с Вовой в местном аэропорту, прямо в дверях: «Белорусские песняры» только-только прилетели, а у Мулявина с компанией перед обратным рейсом отдых был в самом разгаре. Кстати, после нашего концерта подходили люди, не разбиравшиеся в сложных взаимоотношениях в ансамбле, и спрашивали, что это с нами случилось на утреннем выступлении, сейчас ведь отлично звучим. Мы говорили, что не выспались...

Надо было сходить, надо...

Сейчас любят повторять, наверное, и нам в упрёк: «Почему не уберегли Мулявина?» Так ведь пока в коллективе работали будущие «Белорусские песняры», как ни крути, боролись мы и за себя, и за Володю, стали отрицательным, но стимулом для решения вороха проблем в госансамбле. А на беседах с вице-премьером Заметалиным настаивали: Мулявин с Мисевичем, с Дайнеко, с Пеней, с Аверинным и Катиковым сможет работать, а чуть что — найдём рычаги повлиять на него, не первый год знакомы. Но как только «источники беспокойства» самоликвидировались, давить на Мулявина стало некому, пошла расслабуха. (Я уже говорил: кабинеты в филармонии находились напротив, было время убедиться.) И буквально через несколько месяцев он пьяный падает с балкона и получает серьёзные травмы. Ну а потом — авария. И сразу поползли слухи, что Володя (не впервые за последнее время) сел за руль нетрезвым. (Кстати, спустя пару дней я для себя всё подтвердил: поговорил с милиционерами, которые были на месте аварии, друзья помогли заглянуть в закрытые протоколы.)

Узнав о случившемся, мы, признаться, не думали, что всё окажется так серьёзно. Володе за рулём вообще везло: сколько раз он попадал в аварии — не хватит пальцев сосчитать. Да и Борткевич уже рассказывал на всех углах, мол, ноты ему носим, он в коляске передвигается, готов в ней на сцене работать. В общем, с гастролей мы не сорвались, в больницу к Мулявину не понесли. Всё-таки не те отношения с ним самим (даже несмотря на его недавнее приглашение на юбилей «Песняров»), да и реакцию Пенкиной предугадывали. К тому же председатель фан-клуба «Песняров» Володя «Борода» Позняк предупредил нас, что все их попытки навестить Володю кончались крупным скандалом с его женой. Здоровья больному такие эксцессы возле палаты точно не прибавляли. Ну а вдруг бы обошлось без инцидентов, цивилизованно? Так что Иосиф Кобзон в своём резком замечании прав: должны были мы там быть, хоть ломать двери — а к Володе попасть. За всех говорить не стану, но свою

голову пеплом за этот момент посыпаю: надо было сходить, надо... Выходит, долг, который ничем не покроешь, уже до конца на нас. И как на этом фоне блекнет конфликт с московскими и минскими артистами, которые подписали письмо против нас. Первые концерты «Белорусских песняров» в обеих столицах: кто просто извинился, а кто подкрепил понимание кругленьким гонораром за выход в нашем же концерте.

В общем, пришли мы только на прощание с Вовой в Доме офицеров. Нас никто не приглашал, конечно. А многие так и вовсе продемонстрировали своё недовольствие от нашего присутствия у гроба Мулявина. Ну что же, от суждения людей не уйдёшь — тут никакие слова и чувства не будут убедительны. С ощущением так и не разрешённой межчеловеческой ситуации лично я и живу. Был бы религиозным человеком, сходил бы в храм и покаялся. А так... Придётся, наверное, более сложный путь пройти.

«Ну, ЗМЕЙ ЕСТЬ ЗМЕЙ!» — сказал Володя

И ещё. Совсем недавно мой друг Паша Якубович рассказал то, о чём молчал почти полтора десятка лет. Как он ездил к Мулявину в московскую больницу. Президент Александр Лукашенко поручил четырём высоким чиновникам посетить Володю, при необходимости — оказать помощь. И Паша — главред газеты президентской администрации как-никак — оказался среди этих четырёх. У входа в палату делегацию встретила Пенкина. Она пропускает троих, но Якубовичу (зная, что он в неформальных отношениях со мной) с нескрываемым удовольствием заявляет: «А вам нельзя!» (Так, кстати, случилось со многими желавшими посетить Володю, причём с людьми далеко не случайными.) Правда, только Паша присел на скамейку, слегка растерявшийся от неожиданно разыгравшейся перед ним драматической сцены, как актриса подлетела к нему — уже сама доброта: «Пашенька, Пашенька! Как же так получилось?» В общем, обозналась (читай: получила то ли инструкции о целях визита, то ли втык от трёх других делегатов).

Заходил Паша в палату в напряжении. Всё-таки человек прикопан к постели, перенёс тяжелейшую аварию, несколько операций... А встречает его Мулявин улыбаясь, как и всегда, лицо ничуть не изменилось, речь не стала хуже. Вот только двигаться не может. «Видишь, как попал я!» — приветствовал Пашу на пороге, без всякой трагедии, шутливо. Обещал постараться поправиться, просил захватить после Германии (туда Паша как раз собирался), а на актрису... на актрису, мол, внимания не обращай. Поговорили, конечно, об общих знакомых. И вдруг Володя спрашивает: «А как там Змей?» — совершенно запросто, с улыбкой до ушей. Паша крайне

удивился второй раз за полчаса, сказал, что всё у Змея нормально. «Ну, Змей есть Змей! Знаю, чем он там занимается!» — всё так же улыбаясь, безо всякой злобы или обиды! Заряженный таким потрясающим позитивом Паша и вышел из больницы. А примерно через полмесяца Володи не стало...

Когда я услышал от Паши эту историю, подумал: вот в таких искренних моментах и есть весь Володя, Муля. Наверняка, будь он жив, мы бы и перезвонились, и встретились, и поговорили начистоту. И судя по развитию событий, это могло произойти довольно скоро — двадцать лет ждать точно не пришлось бы.

К ЧЕМУ НАМ СОРЕВНОВАТЬСЯ С САМИМИ СОБОЙ?

Нас часто спрашивают: почему не восстанавливаете программы «Песняров»? Мол, кто, если не «Белорусские песняры»? А у коллектива, у каждого из артистов (начиная с меня — всё-таки «семьдесят плюс») время уже биологически ограничено: вечность впереди не маячит. (Вот если раньше, когда видел, как выносят гроб, спокойно проходил мимо, теперь могу и себя в нём представить...) Да и кто из артистов сегодня рискнёт замахнуться на масштабные задачи? Нет на тебя оглушительной моды, ажиотажа, значит, ты даже песню в новой аранжировке вряд ли вставишь, сто раз не подумав, а о перепевах «крупняка» и говорить не стоит! Тем более устояв-

Репетировали мы концерт с оркестром Липницкого в неотапливаемом клубе под Минском, но впечатления остались приятные, ведь готовились к знаковому для нас событию. И голоса, несмотря на едва ли не минусовую температуру, звучали! Фото: Сергей Трефилов

шаяся публика «Белорусских песняров» — ностальгично рафинированная и вряд ли ждёт масштабных высказываний. (Да и в принципе настроить зал на серьёзный лад сейчас ой как сложно: это должен быть совсем короткий эпизод концерта и его обязательно должно компенсировать обилие шлягеров.) А вот метания в «Песнях» конца 1970-х и 1980-х годов с песенным жанром подсказывают, с чем выходить к зрителю и стоит ли заступать за границы жанра.

Да и к чему нам соревноваться с самими собой — молодыми? Исправлять ошибки? Их, принципиальных, в крупной форме и не было. Что-то улучшать, осовременивать? Так ведь даже благое дело можно довести до состояния самопародии. А месяц сидеть на репетиционном периоде, как это было в 1976-м, ни денег, ни времени, ни здоровья не хватит — ведь речь теперь всё равно об одном-единственном концерте (вот когда возможности советской системы вспоминаешь как сказку!).

К примеру, концерт «Белорусских песняров» с оркестром задумывали за год — а только за пять дней до выступления собрались в поселковый клуб под Минском для репетиций, и то с нулём технического комфорта. Хотя, казалось бы, просчитали буквально всё! Тем не менее огромное удовольствие получили от перезагрузки нашего материала.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» — НА ТРОИХ

И всё-таки однажды мы попробовали обратиться к «песняровской» программе. К шестидесятилетию Победы в 2005-м не стали изобретать велосипед и, ничего не меняя, восстановили фрагменты из цикла «Через всю войну». Для меня, Валеры Дайнеко и Игоря Пени это любимые песни, а для ансамбля — момент высшего музыкального пилотажа. И пусть «Белорусские песняры» просто воспроизвели исходное звучание, сам процесс работы получился очень интересным, делалось всё с колоссальным удовольствием, с уважением к теме. Думаю, ребята помоложе убедились, что музыка в «Войне» одновременно простая и непростая, с подводными камнями. Так что репетировали добросовестно, в кайф (тем более в московской студии) и даже с правом на сопричастность к этим песням.

Конечно, кое в каких программных номерах краски затухли за двадцать с чем-то лет. Так что мы прежде всего обратились к песням, которые при прокате программы в середине 1980-х не пели на концертах. И никто даже ненароком не влез в амплуа Мулявина — его отсутствие до сих пор ощущается остро. Скажем, в номере «Перед атакой» Володю не заменить — тут его эмоция доминировала над музыкой. Потому даже умножая его эталонное исполнение на современное прочтение, только в «Возвращении» увидели

возможность спеть без Мулявина. Вроде никого, кроме Володи, в этой песне не представишь, но Дайнеко и Пене вместе с очень мулявинским в каких-то моментах тембром Олега Аверина удалось, мне так кажется, построить свою историю. Ну и хотелось, конечно, добавить чего-то поизвестнее, но такого, где мы уж точно споем не хуже. Вот так концерт прирос восстановленными песнями «Каждый четвёртый» и «Две сестры» из репертуара «Песняров», не завязанными на фамилию Мулявина. А вместо Володиной «Тальяночки» взяли более расхожую — блантеровскую.

«Няма дурных!», коль всем до одного места

А дальше-то что? Показали «Белорусские песняры» эту работу на двух концертах в Московском театре эстрады. И сами, и зрители получили наиприятнейшее удовольствие, обладателям билетов достались диски с живым звуком (причём настоящий тираж не сделать: авторские права у наследников Мулявина). В праздничный день на минском стадионе «Динамо» толком не развернулись из-за дождя, хотя народу собралось тысяч под десять. Короче, мы убедились (и другим составам со словом «Песняры» в названии продемонстрировали): уровень коллектива времён одной из самых крупных и сложных работ берём спокойно. Вот и весь результат. Вместо масштабного восстановления (так, наверное, мы себя пытались обмануть или обнадёжить) получился проект на один-два показа, важных нам самим и публике. А реакция официальных лиц, вроде как призванных что-то блюсти, воспитывать, поддерживать, строить в государственном масштабе на каких-то идеалах, — стабильная: им всем до одного места. Как не вспомнить, что в советские годы не ждали указаний из высоких инстанций или конкурсов, чтобы написать песни о родине — причём качественно и уж точно не сквозь губу, «на отвали»...

Но к чему корчить из себя каких-то сверхпатриотов? Внутри ансамбля мы как раз после эксперимента с номерами «Через всю войну» решили: к теме восстановления программ не возвращаться. И уже к семидесятилетию Победы даже не заикнулись о повторении: нам не предлагали, а мы и не ожидали. «Няма дурных!» — так говорят в Беларуси. А ведь чтобы звучали «Песня о пехоте» или «Каждый четвёртый», нужно ох как репетировать.

«БЕЛОРУССИЯ» ПОМЕШАЛА ПАТРИОТИКЕ

Каким образом сегодня появляются в репертуаре «Белорусских песняров» патриотические песни? К вечеру композитора Никиты Богословского от него самого исходило предложение спеть «Звезду моих полей». «Минута тишины» — это для тольяттинских афган-

пев. «Русские дороги» записали к концерту в память нашего друга Александра Барыкина. «Храм», как я уже говорил, подарили ансамблю донецкие милиционеры. Исполнить «Грустные ивы» попросили российские пограничники, потом её ко Дню пограничника пели и для их белорусских коллег. Всё это своего рода социальный заказ для небольшой целевой аудитории. За счёт такого подхода результат нашей работы не пропадает вхолостую. К таким песням, конечно, порой возвращаешься не без удовольствия, но всё-таки по случаю или по просьбе организаторов выступления. И когда на профессиональный праздник с большим гала-концертом, куда могут позвать любых артистов, приглашают в том числе нас именно с этими песнями, значит, всё удалось.

Но не станешь же песню для пограничников выдавать на зал, где люди покупали билеты за свои кровные, чтобы душой отдохнуть. А уж если собрались — и такое бывает — слушатели помоложе, совсем не хочется, чтобы они нас сразу списали со счетов: «“Песняры”? Опять про войну или полей просторы? Ну, это к бабушкам, к дедушкам...» К сожалению или к счастью, но для аудитории «Белорусских песняров» максимум — ностальгическая «Белоруссия». Не «Белая Русь ты мая» Володи Мулявина, которая меня в своё время так впечатлила, не «Жураўлі на Палессе ляцяць» Игоря Лученка, сохранившаяся в репертуаре со времён «Песняров».

ПО ЗОВУ СЕРДЦА, А НЕ ГОРИСПОЛКОМА

Кстати, может, потому, что образы стихов Николая Добронравова до сих пор кочуют из песни в песню, новые композиции о Беларуси у «Белорусских песняров» не спрашивают? Ни ответственные за культуру инстанции, ни общественность, ни частные лица. Хотя когда-то по зову сердца, а не горисполкома Олег Аверин написал «Мінскую зорку». Хорошая лирика, искреннее, без показухи посвящение любимому городу, которое претендовало на звание гимна столицы... Но ни ко Дню города, ни в другое время эту вещь не услышишь. Пытаться пролезть в обойму? Себе дороже. Мало того, ткнувшись с записью «Мінскай зоркі» на радио, мы убедились: такие посвящения никому не нужны, пусть песня твоя трижды удалась. Правда, отчасти такая ситуация нами и порождена: всё-таки работаем в Минске не так уж часто и вполне могли оказаться «не в тренде».

С другой стороны, а зачем писать вторую «Жураўлі на Палессе ляцяць», если не факт, что выйдет лучше или хотя бы повторится такой же успех, знаковость? Достаточно изредка обозначать: у нас есть этот номер, который исполняют и Олег Аверин, и Игорь Пеня, тему родины «Белорусские песняры» не забыли. Точно так же

ненавязчиво обратились мы к «песняровской» акапельной работе «Каждый четвёртый» и дополнили ею восстановленные фрагменты военной программы. Ведь когда-то композитор Тихон Хренников (он версией «Песняров» был очень доволен) и поэт Михаил Матусовский, считай, подарили нам настоящий шедевр! А ограничил его Володя Ткаченко. Кстати, люди церковные говорили мне, что в его прочтении слышится тонкая переключка с рождественскими гимнами.

ТО МАЛО КОРНЕЙ...

За годы в «Белорусских песнях» мы получали не только порции восхищения. За время сценической активности растёт число и почитателей, и недоброжелателей. Некоторые из этих последних — те же почитатели, но бывшие. Например, «ортодоксальные» поклонники оценивают материал «Белорусских песняров» по меркам ранних «Песняров», поэтому стоит нам чуть сосвоевольничать в аранжировке, как часть консервативной публики скажет: оскорбили память Мулявина! Всё понимаю, мы ведь сами выросли вместе со своей публикой. Полно тех, у кого вся жизнь прошла под «Песняров». Когда мы начинали, это была молодёжь лет двадцати, а то и подростки. Даже те, кто появился на свет в год рождения ансамбля, лет через пятнадцать могли прийти на концерт ансамбля, когда тот ещё был популярен. Вот только, скажем, мои ровесники на концертах почти не бывают, и не только на наших. Но путь «песняровский» сохранился и в новых композициях, в новых версиях известных хитов. Просто время на месте не стоит: и ритмическая основа нужна поактуальнее, и без современных оборотов не обойтись даже в стилизованной под народную песне «Горка!». Так что в новой версии «Касіў Ясь канюшыну» барабанщик потрудится, прежде чем сыграет партию.

...ТО С КОРНЯМИ ПЕРЕБОР

С другой стороны, вот примешься ты упираться с вокалом, прорабатывать нюансы в аранжировках, что-то придумывать, а в ответ услышишь: «А, эти опять ноют своё...» Или что-то про отсутствие яиц, как заявил один очень умный и дальновидный. В лучшем случае скажут: мол, ваши версии старых шлягеров топчутся вокруг мулявинских ходов. Так ведь и стилистика «Песняров» — основа музыки нашего ансамбля. Конечно, головой понимаешь: неплохо бы регулярно выдавать что-то новое. Но каждый в коллективе остережётся и десять раз передумает ради своего и общего блага: и правда, ну кто теперь ждёт таких экспериментов от коллектива со словом «песняры» в названии? Так что в случае с «песняровским» наследием

ем песни должны быть, как минимум, знакомы зрителю, чтобы легко устанавливался контакт. Вот тогда «Берёзовый сок» или «Белоруссия» в тех самых мулявинских аранжировках сыграют для артиста в плюс! Да и редакторы что на радио, что на телевидении вместо прежнего «давайте новое!» только старенькое и просят. И не имеет значения, по душе нам такая ситуация или нет, — время уже никогда не станет нашим. Правда, нам повезло: того, что публике в репертуаре «Песняров», а тем более «Белорусских песняров» не нравится, наскребётся немного, зато весь оставшийся клёвый материал и в десять концертов не уместишь. Ну, чтобы напомнить о наших любимых народных песнях, Максим Пугачёв сделал ажурное инструментальное попури из цитат «песняровской» классики. Причём когда только задумал номер, спросил: «А что, если взять то, что не стало популярным?» Никто против не был. Но композиция эта скорее для ценителей (ну и для нас самих отдушина): раз в пять лет в полном составе и к очередной дате можно и исполнить. Хорошо бы почаще.

«КАКОЙ ТАМ ФОЛЬКЛОР? ВЫ ЖЕ ПРЕДАЛИ МУЛЯВИНА!»

Ещё одна претензия: вместо обработок фольклора у «Белорусских песняров» теперь эстрада и, страшно сказать, попса на народную тему. И тут сразу возникают вопросы. А можно ли говорить о настоящей популярности фольклора сегодня? Ведь народная песня сейчас уходит с ещё большей скоростью, чем это было во времена взлёта «Песняров». Да и национальной культурой интересуется совсем небольшая часть белорусов. Кто из нынешнего поколения белорусских фолк-артистов может собрать зал? С натяжкой «Троіца», остальным и клубной сцены будет много. Получается: если не упадок, то сужение аудитории закономерно. И коммерческий успех, коль мы работаем в условиях рынка, имеет только проверенное временем.

Ну а что касается сочетания фольклора и поп-музыки... Как ни крути, а из общего уровня современной белорусской эстрады «Белорусские песняры» здорово выбиваются. А вот определять жанры и создавать классификации — всё-таки не дело музыканта. Да и попробуй разберись: скажем, «Бялявая, чарнявая», «Гора» или «Горка!», которые мы поём из концерта в концерт, — это произведения какого направления, жанра? Сколько в них от фольклора? Границы ведь в современной музыке вряд ли чисто выдержишь: столько нового и интересного появилось — и всё хочется опробовать на себе. Так что отвечу так: наш фундаментальный репертуар — белорусская песня. Это главное, что сохранили «Белорусские песняры» от корня «Песняров», даже арифметически она составляет не меньше половины. (Хотя был период, когда скорее можно было услышать мнение в таком духе: «Какой там фольклор? Вы же предали Мулявина!»)

«Бялявая, чарнявая» от «того» ансамбля

Короче, как по мне, лишь бы песня как таковая слабой не была, пусть даже содержательно это лёгкая «бытовуха». Скажем, «Касіў Ясь канюшыну» или «А ў месяцы верасні» к философским рассуждениям никак не отнесёшь, но они больше сорока лет цепляют слушателя. «Бялявую, чарнявую» снова-таки считают песней ещё «того» ансамбля, узнают наравне с «Касіў Ясь канюшыну». Это совсем не комплимент ради комплимента: песня Олега — хит от и до. Я в этом, кстати, лишний раз убедился в... Лондоне. У нас как раз вышел диск «Только с тобой», который я привёз в подарок дочке Каролине. Она поставила пластинку в машине, и мой тогда ещё двухлетний внук Майкл начал с ходу подпевать этой песне. А ведь слышал её впервые, не говоря уже о том, что ни по-русски, ни по-белорусски он ничего ещё не понимал! (Правда, теперь, повзрослев, на вопрос о музыке «Белорусских песняров» отделяется довольно общими фразами: мол, у нас в Англии такого стиля нет вообще, «это что-то традиционное и любимое в вашей стране и потому достойно уважения».)

А в принципе в эстрадных вариациях на фольклорную тему ничего зазорного. Вот если бы не конверт двойного концертного альбома, никогда бы не заподозрил Максима Танка в причастности к словам песни «Чарачка» из календарно-обрядовой программы. Значит, попал народный поэт в яблочко со своей стилизацией.

Кинулись в попсу

Когда о «Белорусских песнях» говорят в подобном духе: кинулись в поп-музыку, отдалились от «Песняров», — я сразу вспоминаю репертуар того ансамбля. Что, разве «Лада», «Вологда», «Я всё тот же», ненавистный мне «Молодой агроном» — это не поп-музыка более или менее удачная? Белорусская песня оставалась и остаётся родовой чертой, сутью, фундаментом репертуара, а не «фишкой», которая сработает однажды. Полвека «стереотипная» народная песня кормит нас. И как бы ты ни хотел кинуться в неизведанное, осознав материальную сторону, осознаёшь и ценность фольклора. А компромисс между основной линией и чем-то в духе «гду-гду-гду» («выстрелившей», но сделанной для одного творческого вечера конкретного поэта) существовал всегда. В конце концов, эстрада — шаг в сторону массового слушателя: надо иметь и сострадание к зрителю, дать ему передохнуть. При этом песни такие не снимали и не прибавляли нам очки, если говорить об общей планке.

А поп-музыка... Да, но какая — блестящие вещи: «Только с тобой», «Это любовь», «Прости», «Белая ночь», «Уходи, беда». Мо-

жет, вздохнув ими не восторгались, но признавали: отличная популярная музыка, и далеко не попса — слово, которым пытаются уколоть. И если бы эти вещи не нравились всем нам, особенно их авторам Олегу Аверину и Алику Катикову, ансамбль за них никогда не взялся бы. В конце концов, такие номера нужны в концертах, чтобы освежить программу, а со временем без потерь заменить их новыми. Правда, для большей части аудитории это неизвестные или малоизвестные песни — можно не менять.

ДАВНО НЕ ФАНЫ «ПЕСНЯРОВ»

Наши сегодняшние поклонники — давно не прежние фаны «Песняров». Это чаще всего состоявшиеся люди, с которыми просто интересно общаться. Да, количественно публики поубавилось, зато она своя! И в наших теперешних небольших залах хватает знакомых лиц — даже приветы передают друг от друга! Это особенно заметно, когда по Подмосквовью гастролируем: часто встречаемся с людьми из окрестных городов, куда мы в этот заход не попали. При этом давних поклонников «Белорусские песняры» тоже не потеряли — они продолжают интересоваться нашим творчеством через интернет или в реальности.

Кстати, возможность получить отзывы через интернет на выложенные свеженькие песни, аранжировки — большое дело. Ведь во времена «Песняров» узнать об ответной реакции можно было только по факту проданных билетов.

ПАЦАНЫ, ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧЕГО СТОИТЕ!

Был у нас период, когда «Белорусские песняры» кинулись чуть ли не в танцевальные вещи. Хотели привлечь публику помоложе, и вместо коронных номеров пели «Луну», «Знай, не забывай»... Танцы эти выручают на стадионах и на корпоративах (ещё одна причина оживления работы с поп-музыкой) — не играть же там «Песню пра Долю» или «Спадчыну», не выходить же с крупной формой или с рафинированной белорусской народной песней. Пусть лучше народ потанцует, выбросит энергию, споёт с нами. Кстати, я под «Знай, не забывай» уже которую зиму на катке в центре Минска на коньках пересекаю. И когда мы составляли репертуар для одного стадионного зимнего концерта, я сразу по ассоциации с холодом и льдом её вспомнил. Ребята мне: «Так она же не популярная!» А я им: «Надо на каток ходить, пацаны!»

Но в принципе из проб в таком репертуаре только «Моя душа» Олега Аверина по-настоящему «выстрелила». Правда, мне кажется, в ней больше традиций «песняровских», чем модной формы. А сейчас я пришёл и вовсе к «революционным» соображениям: а зачем

Нынешний директор «БелАЗа» Пётр Пархомчик представляет «Белорусским песнярам» новую модель 450-тонного большегрузного самосвала (вверху). Мы впечатлены машиной! А с заводом дружба у нас давняя: оттуда, например, эти съёмки «Песняров» (внизу) второй половины 1980-х! Фото: личный архив Владислава Мисевича; Юрий Иванов

коллективу вроде нашего отказываться, к примеру, от гениальных песен советских композиторов, если они объединяют нас с залом? После эксперимента с Тото Кутуньо мы добавили в этот блок песню из фильма «Весна на Заречной улице». А ещё взяли «Черемуху» Матвея Блантера. Самые строгие критики подтверждают: в концерте это к месту, сделаны вещи очень бережно.

А с другой стороны...

Можно ли метнуться «Белорусским песнярам» в сторону совсем уж не нашего стиля? Я могу представить, как экспериментируют с джазом Валерий Дайнеко или Макс Пугачёв, а Олег Аверин — с рок-музыкой или с начиткой рэпа. Но всё-таки это практика вне коллектива, хороший вариант, чтобы снять напряжение. Например, когда вне ансамбля поёт Дайнеко, я не воспринимаю эти песни (думаю, как и сам Валера) продолжением чего-то «песняровского». Это другая музыка, которую порой до определённой планки подтягивает не столько композитор или аранжировщик, сколько сам Дайнеко собственным талантом и харизмой. Кстати, увлечение джазом Валеры и Макса позволило сделать уникальнейший концерт к юбилею Дайнеко. Аж захотелось почаще юбилеи справлять на сцене — так творчески зарядил всех Валера.

А вообще, куда интереснее, если песни «Песняров» исполняются в любом другом стиле, в принципиально иной обработке людьми со стороны, теми, кто в такой музыке как рыба в воде. Конечно, всегда есть опасность, что какая-нибудь вещь получится не хуже первоисточника. И творческая ревность каждый раз подтачивает (мол, у нас-то всё равно было лучше), но это даже на пользу. В конце концов, у каждого свой путь в сердцевину «песняровской» музыки, и с ним можно не соглашаться. А не понимаю я тех авторов, которые дрожат над своими песнями или лезут в чужую «кухню» с собственным видением как основополагающим. Если исполнитель и аранжировщик другие, то им и пробовать сделать вещь со своим характером. Почему бы нет?

От дэнса до «Миссисипеньки»

Совсем не доблесть исполнять то же и так же, что и тридцать — сорок лет назад. Тем более когда в ансамбле четверо аранжировщиков и клёвый хор! А всё-таки дэнс-версию «Вологды», сделанную Олегом Авериным, под которую на корпоративах отплясывают на ура, в голову не придёт толкнуть на кассовом концерте. С другой стороны, влезть в «Белоруссию», наверное, выглядело бы святотатством. И от того, что оставишь «Алесю» без переделок, гениальная в своей простоте музыка Игоря Лученка не устареет. Зато с «Касіў

Подобные встречи не так часты, но цель их прежняя — тёплые контакты с белорусской прессой. Тут, к примеру, «песняры» разных, но славных лет: Валерий Дайнеко (второй слева), Владислав Мисевич (третий слева), Владимир Ткаченко (четвёртый слева) и Анатолий Кашепаров (второй справа) — в 2014-м собрались в редакции газеты «Культура» обсудить альбом «Re: Песняры», на котором наши песни звучат в исполнении современных белорусских групп. Фото: Юрий Иванов

Ясь канюшыну» (её ведь тоже поём из концерта в концерт) всегда хотелось перемен: мы уже делали эту песню с развёрнутым инструменталом, с барабанным соло. А когда белорусский телепродюсер Егор Хрусталёв попросил к новогоднему шоу обработать несколько узнаваемых вещей в современном звучании, то позволили себе и гармонию изменить, и по аранжировке пройтись. Причём Максим Пугачёв, освежив материал, не вышел за рамки мулявинской формы и мелодизма. С «Касіў Ясь канюшыну» получился глоток свежего воздуха в классике «Песняров», и эта версия без проблем прижилась в репертуаре. А обновлённая «Рэчанька», наоборот, номер для тех концертов, где надо удивить продвинутого слушателя. С лёгкой руки Игоря Пени называем эту версию «Миссисипенькой». Её даже учить было сложно, ведь Макс пошёл не простым путём, отказался от традиционной песенной формы.

«Пуцу» — можно, но зачем мучиться?

Ну а после нестандартной аранжировки «Беловежской пуци», которую тот же Макс с Валерой Дайнеко сделали для телепрограммы «Достояние республики», пошла критика. Как по мне, то получилось бесспорно талантливо, значит, есть повод дослушать до конца

и разобраться, почему была необходима такая форма, какие задачи она решала. Но все будто забыли, что это музыка Пахмутовой — с невероятными скрытыми возможностями, почти симфоническое полотно. Как говорится, прочтений хватит на всех — была бы фантазия у очередного интерпретатора. Основная же мысль высказавшихся: песня и без того клёвая, а вы усложняете. Тем более перед неподготовленным слушателем на центральном телеканале... (Хотя и не вырезают «Белорусских песняров» с многострадальной переделкой «Пуши» из повторов: наверное, момент щекочет нервишки, щекочет...) Помню, наш друг доктор Володя Смольников просто поругался с нами из-за этой версии: для джазового клуба, сказал, её оставьте, а в зрительном зале, где люди хотят услышать классическое исполнение, не трогайте, пусть будет как есть. «Вы же для зрителя работаете, а не для себя», — на повышенных тонах доказывал он нам, а мы находили аргументы в противовес. Хотя с точкой зрения зрителя не поспоришь, конечно.

Но были и категоричные заявления: мол, пишите новую музыку, а тут святое — не трожь! Все словно позабыли, что свежую обработку делают именно «Белорусские песняры», а не «Песняры» — другой коллектив, который на тот, прежний репертуар смотрит иначе — благо музыкального потенциала хватает. И ведь именно о «замороженной» «Пуще» композитор Александра Пахмутова скромно сказала: «Может быть...» (после периода довольно напряжённых отношений), а коллеги одобрительно похлопали по плечу. Правда, тут бы вспомнить дежурную шутку Валентина Лёзова — бас-гитариста в группе Олега Газманова. Он постоянно встречает нас таким вопросом: «Это вы “Пушу” поёте!» Да, говорим, зная уже продолжение. «Ребята, ну это же полный... — Тут повисает пауза: приятель подбирает слово, а мы уже ждём, когда он выпалит одобрительный п***ц и кинется обнимать, но вдруг лицо Валика меняется: — ...Полное говно!»

В общем, чтобы резких оценок не было, существуют два рецепта. Первый, конечно, попроще: сомневаешься — не делай. Рецепт второй — смело отдавать перепевки другим исполнителям: молодым ли, опытным — не важно. И вроде всем известно, что за попытки другого прочтения известных песен хвалят не всегда, но хватаются за них охотно.

А КОГДА И РЕВНОВАТЬ НЕУМЕСТНО...

Вот в восстановленной Национальным академическим народным оркестром Беларуси имени Иосифа Жиновича «Песні пра Долю» я в восторге от женской партии. Не стану сравнивать с Людмилой Исуповой, которая труднейшие вещи и соло, и в дуэтах

исполняла без изъяна, но Екатерина Дегтярёва справилась блестяще. Да и к музыке подошли по уму: дирижёр Александр Кремко выжал из неё всё возможное для народного оркестра, кстати, великолепного — под руководством Михаила Казинца. Вроде специфический звук у народного состава, с выразительными цимбалами, а перегруза нет, и мелодизм Мулявина не потерялся. Одна попытка восстановить первоначальную коду чего стоит! Ну а раз зал (где не только профессионалы) аплодировал стоя и на «Песні пра Долю», и на «Гусяре», есть повод задуматься о репертуарном прокате постановок.

А бывают случаи, когда и ревновать как-то неуместно. Вроде наши ребята отказались от участия в новой версии «Весёлых нищих», которую Боря Бернштейн продюсировал. Но не станешь же отрицать очевидное: получилось достойное посвящение Паливоде, тем более музыку Игоря сохранили в его же аранжировках. Причём все работали на расстоянии (правда, отсутствие контакта порой «слышно» в звуке на альбоме) и бесплатно! Музыкантов сложно убедить что-то делать даром. Значит, зацепило по-настоящему. Отчасти это комплимент и «Песнярам».

Костюмчики снять? А где дух «Песняров»?

В «Белорусских песнях» как-то сразу захотелось всё делать полегче. Почувствовали, как надоело заботиться о сценическом гардеробе, о поиске денег на его пошив. Но все говорят: ансамблю нельзя опускать планку с костюмами. Ну и от стереотипа восприятия «Песняров» (и, соответственно, «Белорусских песняров») не отмахнёшься: если костюмы — то с национальными мотивами. С другой стороны, мы с завистью поглядываем на того же Олега Газманова: работает артист в обычной одежде, выглядит аккуратно и со вкусом. Правда, поначалу, когда задачей номер один было просто выжить, мы выступали в серых классических пиджаках. Может, и двигались бы в этом направлении, но такой стиль работал нам в минус: публика не чувствовала дух «Песняров». А чем его передать, если отказаться от хлопотных костюмов? В париках что ли выходить? Но раз в два-три года концертный гардероб обновляем, даже если готовые костюмы потом годами не используем.

Правда, не прогадали мы и с вариантом чёрной классики на минском концерте с оркестром в 2014-м. Спустя сорок лет публика этот эксперимент всё-таки приняла положительно, мы его даже повторили несколько раз. Ну и для нас какая-то новизна: удивительно в семьдесят лет после концерта просто отстегнуть бабочку — вместо того чтобы снимать десяток халатов. В общем, на больших концертах в Минске теперь и повторяем этот формат.

Вверху: Свершилось! В 2014-м «Белорусские песняры» отыграли в минском Дворце Республики большой концерт с оркестром (дирижёр — Александр Липницкий). Фото: Сергей Трефилов

Внизу: Зал на концерте с оркестром был полон. Были и сюрпризы: гостем вечера стал автор названия «Песняры», один из основателей коллектива Леонид Тышко (слева), который читал свои прекрасные стихи. Фото: Сергей Трефилов

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Когда возникает больной вопрос исполнения авторских песен Мулявина, а также всех блестяще спетых им самим, сразу понимаешь, как Володи не хватает. И хотя у публики, как мне кажется, есть доверие к нам как к исполнителям «песняровского» репертуара (и Володиного тоже), тема эта пусть и пару раз всего, но затрагивала «Белорусских песняров». Во-первых, сразу после смерти Вовы за исполненную «Александрыну» нам угрожала судом его вдова. Дальше её заявления в газете дело не пошло (наверное, опомнились, что по концертной рапортнице выплачивают авторские отчисления), но и мы ответили — отказались исполнять эту вещь в Минске. Но когда, случается, по третьему кругу на бис вызывают, поём и «Александрыну».

А вообще-то решающее слово всегда за публикой. Вот почему мы вернулись к песне «За полчаса до весны»? Потому что просили её постоянно, хотя у нас — отторжение: Володина песня, и всё тут! Лет пять назад мы всё-таки побороли сомнения и сдались. Попросили спеть её Олега Аверина, мол, его тембр близок к мулявинскому. И оказалось, достаточно в тексте заменить два слова в одной строчке («Он бы пришёл к нам на свиданье...»), чтобы вспомнить Володю. Это не бестактно, наоборот — очень аккуратно. Как только мы нашли эти краски, изменился сам характер песни. Кстати, однажды обычно выдержанный Олег признался: публика была настолько взведена, что ушёл поскорее с авансцены — слеза стала накатывать.

ЗАБЫЛИ БЛАГОДЕТЕЛЯ?

Претензии по части «обидели Володю», недокланялись ему, так уж сложилось исторически, «Белорусским песнярам» выставляют регулярно. «Вроде и заслуженные люди, и право имеете, а вот так с Мулявиным поступили...» — осуждают те, кто не знает деталей. Или вот так: «Мулявин у вас был первейшим и главнейшим, ты говоришь, что Володя для тебя отцом родным стал, и что же вы сделали с ним?..» Но бывает, в очереди посреди магазина подойдёт кто-то и скажет: «Вы настоящие “Песняры”». Потому мне иногда хочется пойти в толпу и посмотреть на «Белорусских песняров» со стороны. Кто мы — предатели или люди что-то доказавшие? Единственное, в чём я тут уверен: любое «отступление» заметят и укажут на него со ссылкой на 1998-й, тяжёлое для нас время сложнейшего жизненного, а значит, и морального выбора.

Вот стоило всего раз не назвать со сцены имя Мулявина на минском концерте с оркестром, как сразу посыпались упрёки: «Что, забыли своего благодетеля?» Нет, наоборот: вспоминаем с гордостью в больших и малых залах, которые неизменно встают и аплодируют Володе. И мы свою долю тепла получаем. Значит это, как мне кажется,

что люди не считают нашу память фальшивой — пусть по нашим небольшим аудиториям судить обо всём народе нельзя (правда, никак не вспомню за годы работы в «Песнярах», чтобы люди вставали даже на самых трогательных и высоких словах, хотя не исключая, что мог и забыть). Однако гитару на сцене не выставляем, цветы к ней не возлагаем и целовать инструмент не спешим. (К счастью, когда эту идею кто-то сочинил, нас не позвали — и без того, оказалось, хватало у Володи друзей, как и вновь примкнувших к ним.)

Но перед концертом с оркестром в ансамбле и правда чуть ли не спор возник: называть или не называть Мулявина, если программа состоит по преимуществу из материала «Белорусских песняров», то есть Олега Аверина (вещей за авторством и из репертуара Володи мы почти в тот раз не пели)? Что, если в таком случае кто-то сочтёт упоминание Володи неэтичным? В общем, решили не называть. Но не тут-то было! Оказалось, рановато осмелились: всего-то пятнадцать лет на сцене в одном составе! А я-то думал, что период работы на имя при уже известных лицах и голосах прошёл давно.

НЕ ПРЕТЕНДУЙ

Чтобы спеть на первом сольнике в московском зале «Россия» акапельно «А ў полі бяроза», держали себя под эту песню в определённой форме, много репетировали, доказали себе и зрителям, что хотелось. Но сегодня хоть десять таких вещей сделай, а публика (наверняка не только у «Белорусских песняров») ожидает не этого, с прохладцей принимая новое. Такая ситуация, с одной стороны, расслабляет: работай себе в меру сил и опыта, на открытия не претендуй, коль зритель ищет лёгкости. А с другой, школа «Песняров» не даёт покоя, и если какая-то музыкальная мысль, идея, эмоция требует усложнения, то оно обязательно должно быть реализовано. Правда, кто-то под именем «Песняров» всё упрощает, даже оригинал воспроизводит скудными средствами. Получается самодеятельность, к которой многие бригады приучили зрителя. А, скажем, на недавний минский отчётный концерт от нас потребовался хоть куплет а капелла — как визиточка. Хотя ни репетиций, ни времени. Тогда фрагмент «Рэчанькі» сделали вступлением к следующему номеру. Другой постсоветский ВИА и мучиться не стал бы с этим куплетом, а мы кайф поймали. Да и публика вроде бы не подумала, что номер лишний. Из таких мелочей и складывается то, что называется «выложиться по полной».

СЛАБО РИСКНУТЬ?

Как-то меня спросили: слабо рискнуть, не включить в очередной диск или в концерт «Вологду», «Беловежскую пушу», «Белоруссию»,

а показать только новый материал? Мол, «Белорусские песняры» говорят о сотнях написанных песен (как-то Олег Аверин составил такой список), а поют несколько десятков. Но я считаю так: даже если тебя тошнит от каких-то песен, а они находят отклик, являются твоей визитной карточкой, значит, они имеют право на жизнь. Вот и пой их каждый раз, как в свой звёздный час! И когда всё получается, тебя здорово принимают, понимаешь: как клёво, что есть эта песня! Ведь счастлив тот коллектив или артист, у кого много подобных вещей: значит, не надо петь чужое, лишь бы дополнить концерт узнаваемыми номерами, значит, люди не задумываются, ради кого покупают билет. Я очень рад, что «Белорусские песняры» в этом отношении счастливы — хватает и «песняровского», и своего проработанного до блеска репертуара.

ДЕЛО В ПАУЗЕ

Другое дело, что выдержать правильную паузу в музыке, как ни посмотри на это понятие, всегда к месту. Скажем, я страшный поклонник Сергея Лемешева. По мне, это совершенный человек в искусстве. Но чем реже слушаешь его пение, тем больший восторг оно вызывает. Или другой пример: теперь, когда мы стали выступать не так часто, иногда я на концертах офигеваю от голоса Игоря Пени. Из песен Олега Аверина мне очень нравится «Ночка цёмная». И оттого, что поём мы её только на больших концертах, ощущения куда острее. А тема «Песняров», поставленная на паузу даже не к 1998-му, а с конца 1980 — начала 1990-х? Только когда люди по ту сторону сцены отдохнули от нас, а музыканты зашевелились, стало возможным идти дальше. Правда, уже под немного другим именем. И даже когда теперь наш летний отпуск может подзатянуться, я внутренне к этому готов и даже рад. Вроде неприятное состояние для артиста, своего рода простой — но и редкая возможность перевести дух: чем меньше звучишь, тем меньше шансов оказаться в аутсайдерах, к тому же идеи появляются, желание.

Лишь бы такое молчание имело разумные границы. А то услышишь, того и гляди, категоричное: «Да я знаю чувака, который “Александрину” мегапрофессионально поет — лучше вас!» Да, мы не совершенны, но, пардон, а каковы критерии этого лучше-хуже? Для меня критерий единственный: спой так, чтобы песня стала популярной. Благо площадок теперь хоть отбавляй.

ИЗЛОМ ПО ИМЕНАМ

И всё-таки паузы, а то и реформы обязательно нужны каждые три-четыре года. Важно уловить оптимальный для них момент. Скажем, мы точно знаем: из концерта в концерт нужно исполнять

Зал всегда поёт вместе с нами. Нужно только подсказать, когда вступить!
Фото: Сергей Трефилов

«Александрину», «Белоруссию», «Алесю». Но на одном из таких изломов Олег Аверин сделал потрясающее попурри из лучших «песняровских» вещей по заказу витебского «Славянского базара». Тогда за пять минут напомнили публике «Алесю», «Александрину», «Вераніку», а связали классику атмосферным сюжетом — песней «Бялявая, чарнявая». А через десять лет идею подхватил дирижёр Александр Липницкий к концерту с оркестром, усугубив лиричность фрагментом из «Марысі». И пусть мне казалось, что это перебор, но зал на эти куплет-припев среагировал отлично.

Чем всё это не средство борьбы с заезженностью что для артистов, что для их публики? Ведь по возможности аудиторию нужно удивлять. Как минимум, чтобы подтверждать класс, показывать себя с выгодной стороны. Всё-таки постоянно идут сравнения с Мулявиным, с теми временами.

И пробросил «Вологду» с «БЕЛОРУССИЕЙ»

И ещё о риске. Разве не рискованно целый год работать над большой программой с молодым оркестром без лишних денег? Ясно, что идеально не бывает, но облажаться на большом концерте — это просто швах: запомнят навсегда с формулировкой: «Неужели вы не понимали, что это полнейшая хрень?!» Но мы рискнули — и не прогадали,

кажется. То, что нам нравилось, однозначно пошло плюсом на наш счёт. Хотя получили и порцию косых взглядов в интернете: музыку перегрузили, оркестр больно специфический, не говоря уже об ультракоротких юбочках скрипачек...

А как насчёт того, чтобы отдать на откуп тридцатилетнему дирижёру выбор и оркестровку номеров? Причём Александр Липницкий, повторюсь, отобрал в основном вещи периода «Белорусских песняров» (а это примерно половина репертуара ансамбля). Выходит, они естественно пробились из огромного количества песен, которые записывались в первые годы под новым названием. Причём Саша смело пробросил «Вологду» с «Белоруссией», чем, судя по отзывам, никто не возмутился. Правда, «Беловежская пуца» осталась мостиком в прошлое. (Через год в Минске уже без оркестра хотели ещё и «Пуцу» обойти, но зал потребовал-таки её на бис!) А сколько ещё редко исполняемых песен, в основном Олега Аверина, которые для большинства настоящий свежак, да и для нас как новые. Помню, как-то летом прошёл с соседом по даче, известным артистом Виктором Синайским по видеозаписям «Белорусских песняров», которые Олег Аверин выкладывает, — поддался интересу Вити и с удовольствием вспомнил многое уже подзабытое. Так вот, Синайский, первоклассный музыкант и артист, только за голову схватился: «Неужели всё это никому не нужно?» В большинстве случаев — только преданным слушателям, разве не так?

«ИЗ ДРУГОЙ ОПЕРЫ», А ДУШУ ЛЕЧИТ

Хотя споткнуться в нашей опасной профессии можно и на самом ровном месте. Сколько вопросов посыпалось после интернет-премьеры песни «Ласками»! И стиль не наш, и попса чистой воды... Хотя, как по мне, тут скорее аранжировка спорная. Или, к примеру, песня «Минута тишины». Нам говорят, это вещь «из другой оперы», чуждая вашей основной аудитории. Короче, при всей разношёрстности альбома «Моя душа» эта песня подверглась, наверное, самой жестокой критике. Вроде не поспоришь: всё так. И не так. Олег Аверин написал, а «Белорусские песняры» спели «Минуту тишины» по личной просьбе уже ушедшего нашего товарища-афганца: первое исполнение он, его семья слушали со слезами на глазах. К тому же бойня афганская оказалась не последней. И что важнее, в конце концов, болтовня о концепции развития коллектива, конкретной пластинки — или песня, которая кому-то душу лечит?

ПО-БЕЛОРУССКИ? ДВЕРЬ — ТАМ!

Удивляюсь до сих пор тому, что белорусов в массе своей успешной родной песни не обратил к родному языку. Казалось бы, как клё-

во: пользуйся ситуацией: хочешь — по-белорусски говори, хочешь — по-русски! Мы ещё в 1980-х заигрывали с этой темой в песне на стихи Валентина Тараса «Дзве мовы ў мяне»: строка на одном языке, следующая — на другом. Вроде всё красиво, смысл прекрасный, а принимают вяло. Почему? Необкатанная вещь, не «впетая». А главное, не чувствовали мы, что песня эта о нас. Неискренне, короче. А ведь многие до сих пор реагируют на мову то снисходительно, то враждебно, на политику кивая. Ну а чаще всего — безразлично. Вот пример: как-то собрал на диск новые белорусскоязычные песни ансамбля (тот же клёвый «Ручэй» Катикова или «Вочы цёмнасіня» Аверина) и пошёл по минским FM-радиостанциям. Тогда они ещё были на острие, как говорится. Так мне какой-то щенок с пустыми глазами указал на дверь: «Это нам не надо». А в концерте получаем на те же вещи массу положительных эмоций. Да и зачем бы я их принёс, будь это бесперспективный материал?

А полсотни дисков «Жывем!» на стихи Ларисы Гениуш в одной «беларускамоўнай» конторе клерк небрежно отправил чуть ли не в корзину. При авторе, Алике Катикове, который пишет с желанием и любовью на стихи белорусских поэтов: Мицкевича, Коласа, Гениуш, Буравкина. И принёс он их туда не для продажи, а чтобы заинтересованные люди дали оценку работе. Ну что же, зато человек по ту сторону стойки не оторвался от важнейшего, вероятно, телефонного разговора.

В ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН С ДИСКАМИ

Когда «Белорусские песняры» закреплялись на сцене, один за другим шли альбомы: студийные, «живые», сборники, затем их переиздали в mp3. Благо был задел: когда я вернулся в госансамбль, мне кучу интереснейших вещей показали, в первую очередь авторства Олега Аверина. Их на концертах прокатывать не думали, хотя они были пусть и не мулявинские, но точно «песняровские». И раз было о чем говорить — появился свой лейбл «Белорусские песняры records». Показали, что в Москву мы приехали не просто так — тогда без издательства или концертного агентства выглядели бы несерьёзно. Сегодня это звучит сказочно (да и бизнес этот заморозили), но на заработок от тиражей своих дисков мы московскую студию обустроили, не влезая в долги! В общем, здорово, что успели отстреляться в начале нулевых, когда закат физических носителей не чувствовался остро (ещё от аудиокассет не отказались полностью).

Ну и не на пустом месте, повторюсь, была наша уверенность. Например, второй диск двойника «Не люби не любимого» — запись из концертного зала «Россия» с рафинированно «песняровскими» вещами. Живой звук, профессиональный уровень, идеальный

вариант, всё на совесть отработано. Там наши ребята полноправные короли вокала — никто ещё к их уровню и близко не подобрался. Несколько народных песен, в том числе коварная «А ў полі бяроза», блокбастеры «Беловежская пуша» и «Вологда», инструментал в «Купалінцы» свеженький. И пусть с первой пластинкой, где больше современного материала, связи особой нет. Зато какой впечатляющий контраст получился! И такие мы традиционные, что ли, и музыкальным языком поновее владеем. Как ни переслушиваю, все ловлю себя на этой мысли. Хотя и понимаю, что ни этот концертник, ни следующий, «Кремль-2004», не назовёшь этапными альбомами, в отличие от концертов, где писался материал. Скорее «Белорусские песняры» реализовали своё преимущество — и творческое, и техническое: за исходник бралась телевизионная запись с соответствующего качества звуком.

В «Душу» плюнули...

Да, был момент, когда казалось: не выживем, если самим не заниматься изданием. Но интернет за пару лет отправил в глубокий нокаут этот рынок. И если первая пластинка «Только с тобой» вышла благодаря друзьям из Екатеринбурга (откуда у нас в 1999-м деньгам взяться?), то с последним диском «Моя душа» просто запрыгнули в последний вагон. Фирма «Монолит» тогда сворачивала производство и согласилась отпечатать тираж, им же и рассчитались. Стоило ли отказываться? Хотя, признаюсь, с этим диском я заранее был готов к самым жёстким оценкам. Даже к тому, что в «Душу» наплюют. Собралась критическая масса произведений, среди них хватало не сочетающихся друг с другом, многим однозначно не нашлось бы места ни в одном продуманном от и до диске. Но в итоге ничего не стали выбрасывать. В конце концов, пусть кто-нибудь попробует свести некоторые из явно проходных на этом диске песен хотя бы к двухголосию — готов поспорить, что не получится! И как тут не задуматься: а такой ли этот диск случайный или неудачный, как писали в интернете? Правда, рецензии профессионалов, считай, и не довелось прочесть или выслушать. Да и критиков музыкальных в профессии почти не осталось, которые бы дали взвешенную оценку. Журналисты же всё про кухни да про дачи спрашивают.

ЧЕМ СНИМАТЬ С СЕБЯ ПОСЛЕДНЮЮ РУБАХУ...

А сегодня даже так и не доделанную запись этапного концерта с оркестром, где достоинств хватает, осознанно ставишь на полку и не спешишь с выпуском DVD-диска. Если всё финансово и творчески сойдётся, лучше снова скрипки или духовиков подтянуть под

большой концерт, а может, номер эксклюзивный сделать к очередному «отчёту». Сейчас ведь выступлений поменьше, а удовольствия от них — больше. Вот и стали в какой-то момент мыслить концертами. Да и не верю, что у нас в условиях постсоветского пространства сегодня можно зарабатывать на продаже музыки. Так чего ради лишний раз суетиться, срывать на запись альбома, снимать с себя последнюю рубаху? Чтобы в руках подержать какой-то итог за несколько лет? Всё равно назавтра твой диск сольют в интернет. И если лет двадцать назад, когда занимался бизнесом, рабочих завода, в котором имел долю, чуть не по рукам били за мелкое воровство, то реального механизма борьбы с пиратством пока не придумали. Но куда хуже, если наша музыка вообще не дойдёт до человека, который не может, не хочет или не умеет (публика у нас всё-таки возрастная) платить за неё в интернете. Зато билет на концерт для такого слушателя — дело понятное. На это и рассчитываем.

ГРАБАНУЛИ «ОБЩАК» И ОБМАНУЛИ С ЭЛТОНОМ ДЖОНОМ

Сегодня привлечь внимание журналистов творчеством почти невозможно. «Альбом, клип, новая песня, концерт — это хорошо, а информационный повод какой?» — говорят даже знакомые акулы пера. Мол, публика всё равно ждёт от вас только старенького, а за искусство в вашем почтенном возрасте ничего и не скажете. Значит, снова выручит «желтизна». Правда, нас не спрашивают, как других нормальных артистов, о разводах (переболели этим, да и кому на жизненном отрезке в шестьдесят — семьдесят лет с такой темой будешь интересен?) или прощальных турах. Зато бесконечная волынка со скандалами и интригами в «Песнярах» по-прежнему котируется, хотя самим надоело об этом вещать. А что делать? Придумывать в борьбе за место под солнцем о себе всякие пакости, которые теперь почему-то выдаются за доблести, уже поздно, да и не наш это метод.

И всё-таки телефон иногда обрывают. Иногда пресса подтягивается по принципу «не было бы счастья, да несчастье помогло». Вот чем не повод (я уже про это упоминал): когда мы только-только назвались «Белорусскими песнярами», обчистили мою квартиру. (Кстати, неплохая идея: когда совсем уж популярность сойдёт на нет, можно будет у себя или у соседей приворовать ради внимания прессы — в зависимости от того, в каком качестве хотелось бы фигурировать в протоколе. Шутка, конечно. Но на что только не идут коллеги по цеху, лишь бы удержать свою известность.) Но чаще, конечно, беспокоят в связи с очередным юбилеем «Песняров», когда надо «покряхтеть» на камеру о былом. Правда, москвичи постоянно приглашают нас в программы, где нужно стать иллюстрацией

чего-то белорусского. Например, напротив Московской консерватории появилось кафе белорусской кухни. Сразу позвонили нам: «снимите пробу». В другой раз «Белорусские песняры» пробовали на камеру белорусскую же молочную продукцию. Засыпали вопросами, когда мы поторопились раскрыть свои планы о выступлении с Элтоном Джоном. Собственно, у нас был пока только разговор с администратором, который возил в Россию западных звёзд первой величины в нулевые и как раз занимался очередным приездом Джона. «Может быть» — вот и всё, что мы услышали. Но надеялись: всё-таки наш знакомый сотрудничал с менеджерами певца не в первый раз (а такие предложения вдруг не делают), а сэр Элтон дуэты любит. Предложили исполнять совместно «Берёзовый сок» — к годовщине Победы во Второй мировой войне народов Европы. Как только в Лондоне сказали предварительное «да», окрылённые, мы рванули к прессе: козырять тогда нужно было всем, чем возможно. Однако слова «может быть» у многих журналистов пропали. Вот и вышли материалы с утверждением: «Белорусские песняры» выступят с Элтоном Джоном в Москве. А этого и не случилось, сорвалось. Так что плюс тут один: по газетам и интернету с новостью об Элтоне прошлись.

Говорят, обошли Bee Gees

Интерпретация известного произведения — это уже иная вещь, со своим характером, мнение со стороны, другая «фирма». И никто не даст ни единого рецепта, как правильно браться за чужое, ни рекомендации, нужно ли это делать вообще. В случае «Белорусских песняров» поём чужое не для пущего удивления публики, а для расширения творческого диапазона — для собственного музыкантского удовольствия, нагоняя при этом недоступное раньше. Ну а коль в нашем названии заложено пение, странно не использовать характерный голосовой аккорд «Белорусских песняров». Как преобразилась за счёт не голосов даже, а тембров песня из фильма «Весна на Заречной улице»! Или такой пример: в песне «Скажи про любовь» благодаря нашему вокальному аккорду нет слепого повтора «How Deep Is Your Love» Bee Gees — наоборот, свеженькое прочтение. Причём музыкальную канву-то мы и не трогали — всё только благодаря голосам! Мало того, кое-кто из профессионалов авторитетно говорит, что вышло едва ли не лучше, чем в первоисточнике (правда, я не сторонник таких сравнений). Не столько в аранжировке, сколько в голосах заключалась и переделка «В письмах сентября» Джейсона Донована.

Пусть альбом «Моя душа» хоть сто раз предали остракизму, но там записана «Когда душа поёт» Матвея Блантера со сложнейшими хорами, аранжированными Валерой Дайнеко. Казалось бы, без-

условная классика советской песни, а до лучшего в этой вещи, до её потенциала, оказывается, надо было ещё докопаться! Признаться, я впервые нескромно подумал: да, другой ансамбль (это было выступление к сорокалетию «Песняров»), да, без Мулявина, но всё-таки мы обошли «Песняров» и даже «сделали» их по своим возможностям. Хотя изначально и близко не ставили такой цели: нормально, организованно работать — вот чего нам хотелось. И что, при таком результате мы должны были поступить по-другому? Тогда уже двадцать лет ничего не происходило бы! И история «Песняров» подавалась бы с одной колокольни. Короче, вовремя мы встали и вышли из высокого кабинета — и с сарказмом, и серьёзно это говорю.

Мурашки от «битлов»

Положительно оценивают и нашу версию «битловской» «Because» (хотя лично у меня мурашки по спине побежали, когда в зале Московского театра эстрады сразу после нашего выхода с «Because» включили фонограмму самих The Beatles). Другое дело, что акапельную вещь надо постоянно репетировать и исполнять, а в каждый концерт её не вставишь. Так когда-то у нас буквально «звінела» «А ў полі бяроза» Игоря Паливоды, которую блестяще разложил на голоса Валера Дайнеко. С любого концерта можно было делать запись на пластинку. Что касается «битлов», к сорокалетию «Песняров» вернулись к ним: сделали шикарную новую версию «While My Guitar Gently Weeps». Олег Аверин совместил произведение Харрисона с запевом «Белая Русь ты мая» и предложил свежий перевод (старый, Валеры Яшкина, не сохранился). Почему не по-английски? Так ведь трибьют в этом случае не только The Beatles, но и «Песнярам»: в конце 1960-х Яшкин потому и переводил «битлов», что спеть в оригинале нам не позволяли. (А может, и правильно: с моим, к примеру, знанием английского только красиво мычать гласные оставалось.) А года два назад мы воплотили ещё одну идею Олега Аверина и Валеры Дайнеко — вспомнили на одном из минских концертов пару «битловских» вещей, с которыми «Песняры» соприкасались в разное время. И даже моя скромная попытка под нажимом ребят вернуться к песне «Вчера» (коль я на сцене и даже порой открываю рот) ещё раз подчеркнула исток «песняровской» музыки. Кстати, а ведь эта версия старше самого названия «Песняры»!

Виноваты в появлении «Чувашских Песняров»

В «Белорусских песнях» однажды пришлось вспомнить, что значит делать «сувенирные» песни. Глава чувашской диаспоры в Беларуси предложил записать «Беловежскую пушу» и «Белоруссию» на его родном языке. Основной удар, конечно, пришёлся на вокалистов:

Валера Дайнеко и Игорь Пеня здорово помучались с текстами, но автор переводов исполнение одобрил. (Наверное, так же «легко» было Дайнеко с языком Буркина-Фасо и с монгольским в конце 1980-х.) На концерте в Чебоксарах публика тоже хорошо среагировала, хотя на чувашском там говорят единицы. Мы даже замахнулись на пару клипов (тем более связал нас общий знакомый — кинорежиссёр Дима Михлеев), но успели только издать диск: инициатор идеи (он же и спонсор) с концами съехал на историческую родину. Кстати, пластинка наша через местное Министерство культуры дошла до тогдашнего руководителя республики. Но о его впечатлении мы так и не узнали: у чиновника истёк срок полномочий. Правда, как раз в то время появились какие-то «Чувашские песняры». Видимо, мы их и спровоцировали своими «Пушей» и «Белоруссией».

НЕКОМУ «НАКЛОНИТЬ»...

Быстро сошли на нет почти все возрождённые в 1990-е ансамбли. Казалось бы, лет десять тому назад мы вместе выступали в «солянках» ВИА 1960–1980-х, а сегодня на большой сцене остались «Самоцветы» да мы. Не говоря о том, что интерес к жанру в принципе иссяк. Пусть прозвучит не очень скромно, но способны собрать зал сегодня (то есть остались на рынке) лучшие и сильнейшие — те, кому было что петь.

Для меня секрет второго захода «Белорусских песняров», относительной «гладкости» становления без Мулявина, — стабильная и узнаваемая вокальная группа. Ну не меняют ансамбли лицо, как перчатки, на чём погорели многие из возродившихся ВИА. Какие-то статисты-инструменталисты, постаревший солист без единой раскрученной песни, который прежде был «одним из»... От таких примеров, рождённых желанием выдоить последнее из «второй волны» (это Эдика Ханка узнаваемая терминология), страдает качество, и без того нередко относительное, появляются коллективы-двойники и даже тройники.

Новенькое в этом отношении — когда некоторые «коллеги» меняют название под нас: вылавливали мы афиши со словом «белорусские» перед словом «Песняры». Вроде бы приятно: значит, и наш бренд начал работать. С другой стороны, пусть наш зритель в основном информированный, но неподготовленную публику они оттягивают. Это как приписать в Москве к слову «молоко» его белорусское «происхождение» — сразу раскупят!

И ДАВАЙ МИСЕВИЧА НА КАЗНЬ!

Отношение к нам в Беларуси на высоком уровне — тьфу-тьфу-тьфу — совсем не отрицательное. После очередного скандала в гос-

ансамбле, когда оттуда ушёл Борткевич и почти все артисты, меня даже приглашали в Администрацию Президента Беларуси. Мол, поделитесь мнением о будущем коллектива. Советов я не давал: чтобы решать вопросы, надо не в стороне стоять и брать на себя ответственность, а то ведь прислушаются к твоим словам, да в итоге что-то не сойдётся — и давай Мисевича на казнь! Так что я отделался общими фразами и вышел из Администрации, признаться, с облегчением.

Ещё как-то в начале нашей новой жизни в Белокаменной на Дни культуры Беларуси в Московской области посольство попросило «Белорусских песняров» отработать концерт — подменить госансамбль, который только-только сколотили из молодых ребят. Мы не отказались: тёплые слова для публики согласовали с посольством, цветочки получили, а потом посол Владимир Григорьев упомянул нас в президентской газете «Советская Белоруссия».

Кстати, однажды я спросил у друга всего нашего ансамбля, успешного бизнесмена, к тому же прекрасного композитора Юры Кунца: состоялись за двадцать лет «Белорусские песняры» как бизнес-проект? Он сразу всё разложил по полочкам: «Первый показатель — вы, ребята, востребованы и спустя полвека. Сами находитесь в хорошей творческой форме: новые вещи, новые аранжировки — это нормальный потенциал на будущее. Ведёте себя достойно, не скандалите. Нормальный проект, вы точно не проиграли».

КОСТЮМ — ЧЕРЕЗ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Как и в «Песнярах», в «Белорусских песнярах» смена поколений и взаимодействие их представителей — процесс естественный. Поначалу, ещё в госансамбле, потребовался гитарист — так появился Саша Соловьёв, который работает уже два десятилетия. Потом долго искали пианиста — закрепился Макс Пугачёв, лет пятнадцать в ансамбле играет. Да как играет: его на сушу не загнать из океана музыки! Наш постоянный ударник Женя Рябой с нами больше десятка лет. Цифры, невероятные что для «Песняров» с их бешеным темпом работы, который не каждый выдержит, что для ансамблей-клонов советских ВИА, где все перегрызутся после первого же концерта. Почему же мы обходимся без острых углов и дискомфорта? Почему сорокалетних Соловья или Макса не тяготит (надеюсь) соседство с семидесятилетним стариком, который им в отцы годится и, хочешь не хочешь, лезет со своими советами туда, где они суперпрофи? Да потому что есть понятие общего результата, школа, где понятно, за кем тянуться. И каждый из ребят других чему-то научил, но без позёрства вроде «слушай меня!»: все наравне, как и должно быть у музыкантов.

Кстати, на тему разрыва поколений пару лет назад родилась хорошая шутка у Олега Аверина, основанная, правда, на не самом

приятном событии — пожаре в доме у Саши Соловьёва. Среди прочего у него сгорели одна из гитар и концертный костюм. Саша купил брюки и рубашку в тон, но из единого стиля стал заметно выпадать. И вот на одном из концертов Соловей по привычке жмётся подальше, чтобы не светить своим несоответствием. А Олег стал представлять коллектив: Мисевич работает столько-то лет, Дайнеко столько, Пеня, Катиков... «А это — самый молодой участник ансамбля: он работает всего восемнадцать лет. Если будет себя хорошо вести, то скоро и костюм ему сошьём». Посмеялись тогда со зрителями, а потом подумалось: эстрадные группы столько и не живут! Ещё лет пять — и получится вообще феноменально! А феномен нужно изучать, препарировать. Так что в каждой шутке...

КАК СОБАКА ПАВЛОВА...

Понятно, что всякая популярность имеет свои пределы, но наша сегодняшняя активность — только в удовольствие. Особенно с учётом нашего возраста, когда стоит поберечь себя физически и эмоционально, и на фоне отходящей популярности жанра ВИА. Но положительные эмоции на несколько дней после концерта в нашем случае гарантированы. И к ним организм уже приучен — прямо как у собаки Павлова. Недели не проходит, как отыграли самое классное и успешное выступление, а уже точно так же на рефлекторном уровне точит сомнение: что-то новых концертов нет, что-то не зовут... Если честно, я остро побаиваюсь того момента, когда отсутствие концертов станет правилом. Тут сразу о восьмом десятке вспоминаешь... Правда, принять тот факт, что всему приходит конец, я готов. Так мне, во всяком случае, кажется. Есть такое слово «достоинство». Так вот, надо оставшийся срок на эстраде провести достойно. А потом вовремя и достойно уйти. Хотя сейчас, признаться, мне очень любопытно, сколько ещё отпущено и мне самому, и всему ансамблю поработать на сцене в таких условиях — спокойно, в своё удовольствие. По многим позициям наше продолжение «песняровской» темы мне нравится больше, чем сами «Песняры». Потому и не устаю удивляться второму заходу: за всё, что недополучил (с моей точки зрения) за первые два десятилетия, появилась возможность добрать. Грех жаловаться.

Хотя играй мы каждый день, снова возникла бы проблема недовольства друг другом, пошли бы косые взгляды, если кто-то в чём-то не дотянул, а другие спустили это на тормозах. И усталость от окружающих тебя изо дня в день одних и тех же лиц была бы острой. Даже музыка тут не станет спасением: на обилие нового творческого материала в концертах, к сожалению, не жалуемся. Думаю, отсутствие такого круговорота — залог жизнеспособности «Белорусских

Вверху: Как не вспомнить о коронном номере — «А трэця лыса-кучаравая»! Концерт в Минске 2015 года не стал исключением. «Ударник» — Игорь Пеня, «получатель» — Влад Мисевич, а Валера Дайнеко держит зал в напряжении. Фото: Татьяна Матусевич
 Внизу: Главное — работать с хорошим настроением и задором! Задор показываю я, а настроение (слева направо) — Алик Катиков, Саша Соловьёв и Игорь Пеня. 2003 год

песняров». Да и период прекрасный: доказывать уже ничего не надо, а развиваться ещё есть куда.

...И СТАРАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ЛОШАДЬ

К слову о реакциях и потрепанных жизнью животных. Моё ожидание новых концертов напоминает об одной старой, но бодрой кавалерийской лошади с хозяйственного двора полка связи на минской улице Маяковского, где располагался и оркестр Белорусского военного округа. Эта кобыла всю жизнь бегала под звуки оркестра, потому чуть только мы выходили репетировать погожим днём на улицу, как она вылетала с хоздвора на стадион и всё подставляла спину, чтобы кто-то сел в её седло, а потом нарезала круги. Признаться, завидую её отменной музыкальной памяти. У меня вот она так себе: помню, отец всегда удивлялся, как я вообще запоминаю весь концерт, все тексты песен, отбивки между номерами. А я ведь из-за этого правда постоянно дёргался и даже был рад, что пел не так уж много. Ну правда: держать в руке листок — это в исключительных случаях (как с «битловской» «Вчера», которую пел спустя пятьдесят лет), а специального экрана, какой был у Тото Кутуньо, когда мы выступали вместе, до сих пор нам не предлагают. Зато со своей близорукостью с детства я так завидовал нашим более зрячим вокалистам! Они со времён «Песняров» обкладывают сцену вокруг себя текстами на листах А4 и не заморачиваются заучиванием. Мы, кстати, долго думали, что это наше изобретение и что за рубежом так не бывает. Но однажды увидели на записи у кого-то из зарубежных артистов такие же «простыни» и выдохнули с облегчением.

Кстати, история на тему памяти, которую напомнил мне Олег Аверин. Иосиф Кобзон во время репетиции с нами перед кремлёвским концертом так быстро освоил текст «Александрыны» на белорусском языке, что очень быстро запел без бумажки. Аверин сказал Иосифу Давыдовичу: «Ну и память у вас, прямо завидую!» На что Кобзон ответил: «Я тебе завидую, что у тебя память хуже, чем у меня. Всё, что было, помню и не могу от этого избавиться!»

Приноровился к демократии

По каким правилам живёт сегодня ансамбль? Прежде всего — здравый смысл и полная демократия по всем вопросам, от творческих до хозяйственных. Просят пообщаться журналисты? Раньше Мулявин поручал это дело кому-то из артистов либо говорил сам. Теперь же беседует тот, кто посвободнее, или тот, к кому непосредственно обратились за интервью. По старинке я долго покупал на вокзале билеты до Москвы для всех, кто ехал из Минска (эта статья расходов остаётся обычно за нами), чтобы ребята могли лишнее

время подумать о музыке. Правда, теперь мы предпочитаем летать самолётом в Москву и назад.

Вот так после ухода из госансамбля пропала и необходимость в директорской работе, ребята давно не оглядываются на мой прежний статус — сам факт его существования забылся. Правда, моя дочка Каролина как-то сказала, что основная черта моего характера тем не менее руководитель, босс. (Сам-то я всегда думал иначе: артист! А тут — дай-ка поруководить!) Конечно, кое-что происходит на повышенных тонах. Да, демократия имеет массу недостатков, но лучше её пока никто ничего не придумал.

НЕ КИКСУЙ, А ИГРАЙ НОРМАЛЬНО!

Меня радует, что в «Белорусских песнях» каждый занимается тем, что умеет делать лучше всего. (Здорово, когда в человеке сочетается несколько разноплановых качеств: скажем, у Валеры Дайнеко хорошо получается организовывать концерты — больше знакомых плюс личное обаяние.) Моя творческая отдача ещё со времён «Песняров» была меньшей, и я компенсировал это опытом в организационной, административной части. Когда и эта надобность практически отпала, заметный крен пошёл у меня на «игру лицом»: мол, и мы пахали, и мы там были... Ну и на сцену выхожу, тьфу-тьфу-тьфу, без сбоев.

В последнее время началось совсем уж удивительное: ребята предлагают мне петь на больших концертах в Минске. Я не отказываюсь — всегда рад потряхнуть стариной!
Фото: Сергей Трефилов

А впервые я запел со сцены — страшно сказать — полвека назад. И всё благодаря Володе Мулявину! Причём поначалу пели с ним в один микрофон. Фото: личный архив Марины Мулявиной

А мои возможности как музыканта коллеги оценивают реально. Нет-нет да пожалеют меня пацаны в своих аранжировках, переспросят лишний раз, смогу ли я воплотить их смелые задумки. Помню, в песне «Палавінка» была довольно сложная партия саксофона с синкопами, но я не отказался, готовил её с усердием. Точно так же и с инструментальными композициями. Так что не киксуй, а играй нормально, а то скажут: ему семьдесят три, они «поют, как боги», а он «играет, как дитя»!

Градус для «ХОЛОДНЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ»

Иногда «Белорусских песняров» называют «холодными профессионалами». Ну, коль звучит сегодня слово «профессионал», это уже весомый комплимент: на профессионалов дефицит! Да и, наверное, никто не поспорит, что наши вокалисты — короли студийных записей. В случае «Белорусских песняров», пусть и в результате болезненного для всех сторон раскола, это успешно подтверждено дважды. Другое дело, что нюансы своей профессии начинаешь понимать, когда в ней долго поваришься. Конечно, таланта от этого не прибавляется, но он углубляется, расширяется что ли. И градус самокритичности не спадает (даже повыше становится): остаётся всё та же хроническая неудовлетворённость качеством концерта, собственной игрой и игрой соседа, пением в аккорде. И по-прежнему редчайшее дело, когда всё устраивает.

А что касается «холодности», то вот уж чего нет в лирической песне, с которой мы работаем. Причём любителей послушать такую музыку хватает. В этом русле, в конце концов, выдержана традиция белорусской песни, такие пишут и наши композиторы Аверин

и Катиков. К тому же не по два-три концерта в день у «Белорусских песняров», чтобы включать эту холодность, скажем, от усталости чрезмерной. (Правда, если проедешь тысячу километров и сразу на сцену — конечно, оттаиваешь во время выступления.) Да будь она — не шло бы, наверное, то откровенное тепло от публики, которое мы встречаем в последнее время в белорусских городках — наверное, за предыдущие полтора десятка лет такой волны уважения, понимания, близости и не вспомню. (И в Минске стали принимать теплее, тем более мы не частили с концертами, и в Москве градус повысился.) На одном концерте люди выходили на сцену с цветами, целовали нас, как родных, на другом трижды за концерт вставали... Причём всё это в провинции, где люди поскромнее, более зажатые. Вообще, концерты в Беларуси — всегда особая история. Это как отпуск: близко, удобно, комфортные залы на пятьсот — шестьсот человек с отличными дорогами к ним по всей стране. И публика знает репертуар от «Песняров» до «Белорусских песняров», от Мулявина до Аверина вдоль и поперёк, в курсе всех перипетий истории ансамбля, осведомлена о бывших и нынешних музыкантах — в общем, знает, на кого идёт. В конце концов, страна небольшая, с любым артистом ты вполне можешь оказаться в одном троллейбусе по дороге на базар.

«НЕЗМЕИНОЕ» ПОВЕДЕНИЕ

Бытовых зарисовок, интересных мне и, надеюсь, в какой-то степени читателю, которых в этой книге предостаточно, из жизни «Белорусских песняров» много не наберёшь. Наверное, потому впервые за всю «песняровскую» историю коллектив пятнадцать лет подряд работает в одном составе. Никаких скандалов, которые разъедали «Песняров» в последние годы моей работы! Жёны ведут себя так, как будто их нет. И проблемы пьянства в ансамбле не существует (тут мы прежние грехи замаливаем). Потому и Змею «шипеть» уже не нужно. В принципе нет вообще никакого напряжения — идёт естественная работа коллектива: где-то находим, где-то теряем. За годы работы психологически выучили друг друга, представляем, кто и как на что реагирует. Всё клёво, тут главное — не лишиться всего этого по какой-то глупости. (Я знаю моменты, когда приходится отвыкать от устроенной жизни, и это трагедия, серьёзная ломка.) А потому ходи чаще на лыжах, ездь на роликах, катайся на велосипеде — береги здоровье!

КАКОЕ БРАТСТВО?

А что сэкономит здоровье лучше, чем хорошие отношения в коллективе? Конечно, в глазах публики «Песняры», а теперь, наверное,

«Белорусские песняры» выглядят едва ли не братством, сошедшим с глянцевой фотографии. Но в том и загвоздка... Почему симфонический оркестр оперного театра никто не считает братством, а на «Песняров» постоянно навешивают такой ярлык? Даже среди братьев не всегда царит взаимопонимание. И над семейными отношениями ты можешь всю жизнь трудиться, а если чашка разбилась, никакие узы, обязательства или мораль её не склеят. Замкнутое же пространство «Песняров» способствовало, в частности, здоровой конкуренции (точно так же и «битлы» соперничали — Леннон и Маккартни, порой и Харрисон). В лучшие годы не один, а два-три аранжировщика могли показать свои варианты одной и той же песни. Значит, появлялась состязательность, побуждавшая к поиску, открывалась широта видения. Творческий результат в таком случае сразу становится на порядок ценнее. В «Белорусских песнярах» тоже присутствует момент соперничества между ведущими вокалистами, между композиторами и аранжировщиками. Пусть не остро, но как здорово это подстёгивает! Ведь что нам даёт возможность жить так долго? Внутреннее недовольство: мол, я могу лучше. А можешь — сделай!

Понимаю, что поклонникам тех «Песняров» хочется видеть любимых артистов прежних составов рядом с нами. Да, был выход «Белорусских песняров» на одну сцену в Московском Кремле с Кашепаровым и Борткевичем в честь семидесятилетия Володи Мулявина, и прошёл он на ура — пять заслуженных артистов снова вместе! Но сколько подводных камней нужно обойти ради единственной трёхминутной «вылазки» и о скольких тонкостях совместного прошлого промолчать, чтобы сохранить хотя бы статус-кво в отношениях! Но есть моменты, которые дарят настоящее тепло и нам, и зрителям в зале. Например, Вова Ткаченко играл с нами как специальный гость на больших концертах (а ведь мы изначально видели его участником обновлённых «Песняров»). Это честь — оказаться рядом с такой глыбой! Раз в пять лет на наши концерты приезжал из Израиля Лёня Тышко: играл на басу в «Александрине», читал свои искренние стихи. А уже сам факт его появления в первом клипе «Белорусских песняров» когда-то был огромной поддержкой для «отщепенцев».

НЕГАТИВА НЕ ИЗБЕЖАТЬ, НО — ТАК БЫЛО

И ещё о спорном. Налёта негатива в теме «Песняров» уже не избежать. Чья вина? Теперь, наверное, её можно делить на всех, кто языком молот лишнее, а началось всё со времён нашего ухода от Мулявина. Я не раз говорил, что постоянно переоцениваю какие-то моменты. И знаю: так было — через все события прошёл сам. Но остроту собственного трёпа на втором десятке «Белорусских песняров» нет-нет

да смягчаешь, больше контроля появилось. Даже ребятам нашим пытаюсь в чём-то навязать эту приобретённую к старости мягкость (правда, от них тут же сыплются вопросы: «Влад, а почему надо молчать, если так было?»). Вообще, тут самый сложный механизм — какую информацию оглашать, а какую нет, чтобы потом не слышать: «Это неправда!» Кстати, в ситуации с ушедшим от него ансамблем Володя вёл себя в высшей степени корректно. Самое жёсткое его замечание в наш адрес: «Таких не знаю». В другом интервью он сказал: я сам собирал этих музыкантов в разные годы, и естественно, что у них высокий уровень. Правда, добавил Вова, не самый высокий из всех музыкантов-«песняров». Так ведь это — как родитель отчитал!

В ЧЁМ ЕГО РЕВОЛЮЦИЯ?

Мне трудно оценивать эти сложные, а для кого-то спорные двадцать лет без учёта немалого опыта «Белорусских песняров». И он указывает: как ни крути, а мы не ошиблись, пойдя вопреки Мулявину, пусть и через себя переступив. Кто скажет, что мы не ухватились за шанс переломить ситуацию в свою пользу в той шаткой ситуации? Только большие концерты вспомнишь — и есть чем гордиться. Как минимум, на прежние позиции выбрались, потому что крутились, и ещё как! И интерес публики к нам мы использовали как могли. Пусть сначала он был на уровне, мол, вот их выгнали за дверь, а они уже в окно лезут да с другим названием. Но вообще, публику не проведёшь: работать надо, а не ярлыками клеймить даже двадцать лет спустя. Однако ещё лет десять назад я был абсолютно уверен: от имиджа отступников нам никогда не избавиться. Теперь вижу: люди нас поняли.

Но если у нас спрашивают, кто придумал ансамбль «Белорусские песняры», в ответе без упоминания Мулявина не обойтись. Причём скорее в позитивном смысле. Его нельзя исключить из любого образа «Песняров» — хоть белорусских, хоть не очень. От него и такое долгожительство, и колоссальное наследие, и высокий стандарт в творчестве. Музыка всё расставляет по своим местам, особенно когда бытовые дела вдруг выходят на первый план. А Мулявин был в музыке революционером масштаба Че Гевары или Марата. В чём его революция? На эстраду, в массовое пространство он вывел одну из советских культур, которая не была широко известна. Человек, который такое совершил, однозначно личность большого таланта — и музыкального, и человеческого. И организационного: Мулявин нас собрал, разглядел, создал для каждого образ на сцене, совершенно незаметно вылепил. Это так, что бы все мы потом ни говорили о Володе. Поэтому он «народный» СССР. Тут полное соответствие заслуг и звания. И хотя получить этот статус эстраднику

было практически невозможно, он его получил. Думаю, благодаря тому, что последним министром культуры СССР был Николай Губенко — разумный человек, сам артист, он без сомнений подписал бумаги на Володю. И Мулявину присвоили народного в пятьдесят лет — правда, как раз перед распадом Союза.

НЕ ЗНАЮТ. ЭТО ЕСТЕСТВЕННО!

Кто-то может поворчать: выросло целое поколение, которое толком и не знает, что такое «Песняры». А по мне, это естественно. Даже творчество «битлов», наших кумиров, не знают! Так что если дело дойдёт до переоценки ценностей, на первое место выйдет музыка. И истиной в итоге окажется то, что Мулявин был невероятным певцом (все сложности его природы и многие спорные поступки останутся в биографиях), и то, что оставили после себя «Песняры». Надеюсь, в том числе и наш ансамбль.

Правда, те же «битлы» остались как явление массовой культуры. А отношение к «Песнярам» и спустя полвека как к «священной корове»: руками не трогать. Наверное, это вопрос менталитета. Но от старших поколений в постсоветских странах неизменно чувствуем свою долю внимания. А навязывать что-то бессмысленно. И шоу двойников вряд ли помогут, хотя там уже не раз эксплуатировали образ Володи Мулявина. Столько сил артисты вкладывают в бледную копию, но, по-моему, это путь в никуда. Уж лучше, наверное, сыронизировать слегка, как в клипе на песню «Чюмачедшая весна» Потапа и Насти Каменских. Или в духе пародийного плаката что-то придумать, который ещё студентом нарисовал будущий белорусский гуру дизайна Владимир Цеслер! Тогда эту попытку не пропустили в тираж, насколько я знаю, но как тонко он схватил наши образы! Это был бы колоссальный упреждающий шаг против всяких звёздных болезней: посмотришь на свою рожу перекошенную — и сразу работать захочется, а не бравировать!*